

Жан-Поль Сартр

Только правда
(Некрасов).

Пьеса в восьми картинах.

Явление первое.

Робер спит, Ирма мечтает сидя.

Ирма. Ах!

Робер (наполовину проснувшись). Что?

Ирма. До чего ж она красива!

Робер. Кто?

Ирма. Луна.

Робер. Ничего в ней нет красивого. Каждый день одно и то же.

Ирма. Посмотри, какая она круглая!

Робер. Можешь говорить что угодно, эти штуки для богачей. Луна, звезды, соловьи... (Укладывается снова и засыпает.)

Ирма. Нет, ты только посмотри! (Трясет его.)

Робер. Какого черта! Ты оставишь меня в покое?

Ирма (в крайнем возбуждении). Там! Вон там!

Робер (протирая глаза). Что?

Ирма. На мосту. У фонаря. Я их знаю... Сейчас он бросится в воду!

Робер. Весной их всегда много.

Ирма. Смотрит на луну. Смешно! Я тоже на нее смотрела. Снимает пиджак. Складывает. Знаешь, он недурен.

Робер. Можешь говорить что угодно, это мелкая душонка.

Ирма. Почему?

Робер. Потому что он хочет утопиться.

Ирма. Мне это как раз нравится.

Робер. Это оттого, что ты женщина. Настоящий мужчина должен умереть с треском. (Снова ложится.)

Ирма. Ты не хочешь посмотреть, как он прыгнет?

Робер. Успеется. Разбудишь меня, когда он соберется с духом. (Засыпает.)

Ирма (про себя). Это самое приятное – ждать, пока они прыгнут. У них всегда при этом мечтательный вид. Наклоняется... Смотрит на луну в воде... Вода течет, а луна не течет... (Трясет Робера.) Прыгает! Прыгает!

Робер (просыпаясь). Что? Зачем ты меня разбудила? Настоящий мужчина должен как следует подумать, прежде чем прыгнуть.

Ирма. Погоди... По-моему, он передумал. Причесывается... До чего это интересно! Держу пари, что он прыгнет.

Робер. А я держу пари, что нет. Если я выиграю, наш носовой платок будет только моим.

Ирма. А если я, ты отдашь мне шнурки от ботинок. (Пауза.) Выиграла, выиграла!

Шум от падения в воду.

Какой прыжок, а?

Робер. Подумаешь! (Встает.)

Ирма. Куда ты?

Робер. Пиджак-то остался наверху. (Сделав несколько шагов.) Черт, он не тонет!

Ирма. Что?

Робер. Нет, ничего... Это только голова показалась. Так всегда бывает. (Снова усаживается. Спокойно.) Придется еще немного подождать. Пока он жив, я не заберу его пиджака. Красть я совсем не собираюсь.

(Недовольно щелкает языком.) Ц-ц-ц...

Ирма. Ты что?

Робер. Не люблю таких штук.

Ирма. Каких?

Робер. Он плавает.

Ирма. Тебе не угодить.

Робер. Плакал мой пиджак! Ты ведь знаешь, я всегда жду, пока они не пойдут ко дну. Но держу пари, первый же, кто пройдет по мосту, не станет так церемониться. (Подходит к причальной тумбе и отвязывает веревку.)

Ирма. Робер, что ты делаешь?

Робер (раскручивая веревку). Раскручиваю веревку.

Ирма. Зачем?

Робер. Брошу ему.

Ирма. Зачем?

Робер. Ты же видишь, что он плавает!

Ирма. Пусть этим занимается спасательная команда! (Подходит к краю набережной.) И потом... слишком поздно. Он пошел ко дну.

Робер (смотрит). Безобразия! (Ложится.)

Ирма. А пиджак? Ты не пойдешь за ним?

Робер. У меня что-то пропала охота работать. Вот еще один умер, потому что никто, ни один человек не протянул ему руки... Я думаю о себе: если бы мне кто-нибудь протянул руку... (Зевает.)

Ирма. Скорей, Робер, скорей!

Робер. Не приставай, я хочу спать!

Ирма. Скорей! Скорей! Веревку! Он выплыл! Выплыл! (Пытается поднять Робера.) Подлец, неужели ты дашь человеку утонуть?

Робер (встает, зевая). Пойми после этого женщин! (Кидает веревку.)

Ирма (с негодованием). Нет, ты понимаешь, Робер, он не хочет!.. Не хочет...

Пауза.

Робер (вытягивая веревку обратно). Все женщины на один лад. Человек только что кинулся в воду, и ты хочешь, чтобы он сразу согласился вылезти. А где честь, где гордость? Да ты понимаешь, что такое мужская гордость? (Снова кидает веревку.)

Ирма. Схватил! Схватил!

Робер (разочарованно). Этот недолго ломался.

Ирма. Подтягивается. Мы его спасли! Скажи, ты доволен? Я очень довольна.

Робер. Если бы я встретил того, кто вытащил бы меня из дерьма...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Жорж, с которого течет вода.

Жорж (в бешенстве). Болваны! Идиоты!

Ирма (печально). Вот тебе...

Робер. Обыкновенная человеческая благодарность.

Жорж (схватив Робера за шиворот и тряся его). Что ты путаешься не в свое дело, вшивый дурак? Ты что, вообразил себя господом богом? Робер. Мы думали...

Жорж. Врешь! Ночь совсем светлая. Ты не мог подумать, что я собираюсь выкупаться. Я хотел покончить с собой, понимаешь? Неужели вы пали так низко, что не считаетесь с последней волей умирающего?

Робер. Это не ваша последняя воля.

Жорж. Откуда ты знаешь?

Робер. Вы плавали.

Жорж. Ну и что? Я немножко проплыл, прежде чем утонуть. Если бы вы не бросили мне веревки...

Робер. Вы могли не хвататься...

Жорж. Нет, не мог. Меня заставили.

Ирма. Кто заставил?

Жорж. Человеческая природа. Самоубийство противопоказано человеческой природе.

Робер. Вот видите!

Жорж. Что я вижу? Слушай, ты, может быть, начитался Руссо? Конечно, я знал, что утопиться нелегко. Но я считал, что стоит мне прыгнуть – и я обязательно пойду ко дну. Как я мог предвидеть, что старый болван захочет играть на моих низменных инстинктах?

Робер. Мы не хотели вам зла.

Жорж Это-то и плохо. Все люди хотят друг другу зла, почему же ты не как все? Будь ты человек человеком, ты бы вежливо подождал, пока я не опущусь на дно, потом пошел бы на мост, аккуратноенько забрал мой пиджак, и мы все трое были бы счастливы: я бы спокойно умер, а вы бы заработали три тысячи франков.

Робер. Ваш пиджак стоит три тысячи?

Жорж. Может быть, и все четыре.

Робер хочет ускользнуть.

(Хватает его.) Стой! Пока я жив, это мой пиджак.

Робер. Что верно, то верно.

Жорж. Хороший новый пиджак, сшит по последней моде, на шелковой подкладке... Не видать тебе его! Я с ним умру. Теперь ты понял, болван?.. В твоих интересах было, чтобы я умер.

Робер. Это я знал, но я думал о ваших интересах.

Жорж (грозно). Что ты сказал?

Робер. Я хотел оказать вам услугу.

Жорж. Врешь!

Робер хочет запротестовать.

Молчи, не то я тебя задушу!

Робер. Делайте что хотите, я сказал вам правду.

Жорж. Слушай, старик, я прожил тридцать пять лет, я изучил человеческую низость, я думал, что знаю все, но вот в мой последний час какой-то подонок у моего смертного ложа (показывает на реку) осмеливается мне сказать прямо в лицо, что он хотел оказать мне услугу! Никто никому никогда не оказывает услуг. (Снова берет Робера за шиворот.) Скажи мне правду: почему ты это сделал? Ты рассчитывал, что я буду тебе обязан жизнью?

Робер. Нет, что вы!

Жорж. Я никому не обязан жизнью. Даже своим родителям. Я родился по недосмотру. Кто меня выкормил? Кто меня утешал? Кто оберегал меня от опасностей? Я сам. Я всем обязан только самому себе. Может быть, ты думал, что я отблагодарю тебя деньгами?

Робер. Нет, если человек кидается в реку, значит, у него нет денег.

Жорж. Стало быть, причина другая. Может быть, тщеславие? Ты захотел выступить в роли спасителя? Нерон разлучал рабов с их женами и кидал рабов рыбам. Ты хуже Нерона. Ты разлучил меня с рыбами и бросаешь меня людям. А ты подумал, что люди со мной сделают? Для вас это развлечение: человек проворонил свою жизнь, вы хотите, чтобы он проворонил и смерть! Вы прячетесь в тени, подстерегаете несчастливца, дергаете ниточки...

Робер. Какие ниточки?

Жорж. Не прикидывайся простаком, Калигула! Мы все марионетки. Дергают – и мы танцуем. Кто-кто, а я это изучил. Десять лет я играл в эту игру. Только я был благороднее вас. Я никогда не трогал несчастных детей, соблазненных девушек, безработных. Я искал богачей и продавал им дырку от бублика.

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
(Пауза.) Ладно! Теперь я иду топиться. До свидания.

Ирма и Робер. До свидания!

Жорж (вернувшись к ним). Но дайте мне слово, что вы больше не будете...

Робер. Что?

Жорж. Кидать веревку.

Робер. Можете быть спокойны. Ни в коем случае. Могу поклясться.

Жорж. Даже если я выплыву?

Ирма. Не двинемся с места.

Жорж. А если я позову на помощь?

Ирма. Мы будем петь, чтобы заглушить ваши крики.

Жорж. Превосходно! (Не двигаясь.) Но сколько времени я потерял! Уже десять минут, как я мог быть на том свете.

Робер (робко). Что значат десять минут...

Ирма. ...когда перед вами вечность.

Жорж. Хотел бы я видеть вас на моем месте. Вечность была передо мной, это правда, только я ее прошляпил. И все из-за вас.

Робер. Она, наверно, далеко не ушла.

Жорж (показывая на реку). Вот она. Но вопрос в том, как в нее попасть. Это не каждый день случается: прийти в полное отчаяние – и тут же оказаться на мосту. Счастливое совпадение. А теперь я не на мосту. Хотя все доводы по-прежнему за то, чтобы утопиться.

Робер (быстро). Мы не хотели бы вас задерживать.

Ирма (быстро). Может быть, это нескромно с нашей стороны...

Робер (быстро). Нам очень хотелось бы знать, какие у вас доводы.

Ирма (быстро). Мы часто видим, как люди кидаются в воду...

Робер (быстро). Но не всегда удается поговорить с ними.

Жорж. Скройтесь, звезды! Небо, убери твою жалкую луну. Нужно по меньшей мере два солнца, чтобы осветить всю глубину человеческой глупости. Вы еще смеете спрашивать, какие у меня доводы, чтобы умереть! Жалкие людишки! Это я должен вас спросить, какие у вас доводы, чтобы жить.

Робер. У нас? (Ирме.) Может быть, ты знаешь?

Ирма. Нет.

Робер. Живем, вот и все.

Ирма. Раз началось, надо продолжать.

Робер. Все равно умрем. Зачем же торопиться?

Жорж. Слушайте, не упускайте шанса. Дайте мне ваши руки – и в воду! Втроем. Умрем втроем – это одно удовольствие!

Ирма. Но зачем умирать?

Жорж. А что вам остается? Жизнь – это пожар в театре. Все ищут выхода, и никто его не находит. Все давят друг друга. Горе тому, кто упадет! Его растопчут. Разве вы не чувствуете, как вас топчут сорок миллионов французов? Я сам топтал других. А теперь меня сшибли с ног, но я не дам

Сартр Жан-Поль Только правда filosoff.org
себя растоптать. В чем отличие человека от животного? Человек может покончить с собой. Ну, в воду! (Пытается увлечь Робера за собой.)

Робер. Прыгайте первым. Я хочу немножко подумать.

Жорж. Значит, я тебя не убедил?

Робер. Не совсем.

Жорж. Как я опустился! Прежде я умел заговорить любого. (Ирме.) А ты?

Ирма. Нет.

Жорж. Нет?

Ирма. Ни в коем случае!

Жорж. Идем, ты умрешь в объятиях поэта! (Пытается увлечь ее.)

Робер. Стой, стой, это моя старуха, это моя жена! Помогите, помогите!

Жорж (отпуская Ирму). Молчи! Они могут услышать.

На мосту огоньки, свистки.

Робер (увидав свет потайных фонариков). Полиция!

Жорж. Это меня ищут.

Робер. Вы кого-нибудь кокнули?

Жорж (оскорбленно). Разве я похож на убийцу? Я аферист, мошенник.

Свистки.

(Задумчиво.) Смерть или пять лет за решеткой – вот в чем вопрос!

Робер (глядя на мост). Они, кажется, идут сюда.

Ирма. Что я тебе говорила? Они решат, что мы с ним заодно. Изобьют нас до смерти. (Жоржу.) Если вы еще собираетесь утопиться, пожалуйста, не стесняйтесь! Мы даже будем вам благодарны. До того, как они придут. Я вас очень прошу, окажите нам эту услугу!

Жорж. Я никогда никому не оказывал услуг и не собираюсь менять свои привычки за пять минут до смерти.

Робер и Ирма обмениваются взглядами, потом бросаются на Жоржа и пытаются столкнуть его в воду.

Что вы делаете?

Робер. Хотим помочь вам.

Ирма. Ведь труден только первый шаг.

Жорж. Вы хотите утопить вашего ребенка?

Ирма. Нашего ребенка?

Жорж. Вы меня спасли – значит, я ваш ребенок. (Отталкивает их, они падают.) Детоубийцы! Вы забыли ваш родительский долг. (Смотрит по сторонам.) Интересно, могу ли я еще улизнуть?

Робер. Они идут с обеих сторон.

Жорж. Если они меня схватят, они вас излупцуют на славу. Значит, теперь мои интересы – это ваши интересы. Спасете меня – спасете себя. Это что? (Показывает на темное пятно на набережной.)

Робер. Мой запасной костюм.

Жорж. А ну, дай сюда!

Робер подает.

(Снимает брюки и надевает тряпье.) Какая рвань. (Бросает свои брюки в реку.) Идут! Я лежу и сплю. Вы скажете, что я ваш сын. (Ложится.)

Робер. Они не поверят.

Жорж. Поверят, если вы это скажете с чувством.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Гoble, двое полицейских.

Гoble. Ну, голубчики...

Робер (мычит что-то неясное). Мы...

Гoble. Кто кричал?

Ирма. Когда?

Гoble. Только что.

Ирма (показывая на Робера). Он.

Гoble. А почему он кричал?

Ирма. Я его лупила.

Гoble. Это правда? Отвечай! (Трясет Робера.)

Робер. Не трогайте меня! Республика у нас или не республика? Кажется, у меня есть право кричать, когда жена меня бьет!

Гoble. Потихе! Я инспектор полиции.

Робер. Я не боюсь полиции.

Гoble. Напрасно.

Робер. Я ничего плохого не сделал.

Гoble. Докажи.

Робер. Это вы должны доказать, что я виноват.

Гoble. Мы не миллионеры. Доказательства стоят дорого. Мы предпочитаем добровольные признания, признания ничего не стоят.

Робер. Мне не в чем признаваться.

Гoble. Будь спокоен, признаешься! Все будет по закону. (Полицейским.) Забрать их!

Полицейский. В чем они должны сознаться, начальник?

Гoble. Кража в Понтуаэ – раз, убийство в Шарантоне – два.

Полицейские хватают Робера и Ирму.

Подождите. (Подошел, дружелюбно.) Мне совсем не хочется, чтобы вас изувечили. Разве нельзя поговорить по-человечески? Ирма. Мы-то с удовольствием, начальник.

Гoble. Я разыскиваю одного человека. Тридцать пять лет, рост – один метр

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
семьдесят восемь, брюнет, глаза серые, спортивный костюм, хорошие манеры.
Вы его не видели?

Робер. Когда?

Гобле. Этой ночью.

Робер. Ей-богу, нет! (Ирме.) А ты?

Ирма. Ну уж такого красавца я бы заметила, можете быть уверены!

Жорж чихает.

Гобле. Кто это?

Ирма. Наш старший сын.

Гобле. Почему он лязгает зубами? Ирма. Спит.

Робер. Когда он спит, он всегда лязгает зубами. Это у него с детства.

Гобле (полицейским). А ну, расшевелите его!

Полицейские встряхивают Жоржа, он встает и протирает глаза.

Жорж. Что за свинство – пугать людей! Я человек нервный.

Гобле (представляясь). Инспектор полиции Гобле. Будь повежливей.

Жорж. Я, кажется, ни в чем не провинился. Я слишком честный человек, чтобы быть вежливым. (Ирме.) Мамочка, ты не представляешь себе, что мне приснилось!..

Гобле. И тебя не разбудили крики твоего отца?

Жорж. Он кричал?

Гобле. Как недорезанная свинья.

Жорж. Он всегда кричит, я привык.

Гобле. Всегда кричит? Почему?

Жорж. Потому что мать всегда его лупит.

Гобле. И ты ей позволяешь?

Жорж. Я на стороне мамочки.

Гобле. Ты не видел высокого брюнета с серыми глазами, в спортивном костюме?

Жорж. Еще бы! Этот подлец хотел скинуть меня в воду!

Гобле. Когда? Где?

Жорж. Во сне. Мне это приснилось.

Гобле. Идиот!

Вбегает полицейский.

Полицейский. Мы нашли его пиджак на мосту!

Гобле. Значит, он бросился в воду. А может быть, он хочет нас сбить со следа? Вы что-нибудь слышали?

Ирма. Нет.

Гобле (полицейским). Как вы думаете, он утонул?

Полицейский. Не думаю.

Гобле. Я тоже не думаю. Это орел. Он не сдастся до последнего издыхания. (Садится у воды.) Садитесь, ребята. Садитесь, садитесь! В беде все равны.

Полицейские садятся.

Поищем утешения в красоте природы. Какая лупа! Видите Большую Медведицу? А вот и Малая. В такую ночь охота на человека могла бы быть удовольствием...

Полицейский. Опять улизнул...

Гобле. Я говорил начальнику: «Я предпочитаю сказать вам откровенно: мне его не поймать». Я человек заурядный, и я этого не стыжусь. Заурядные люди – соль земли. Дайте мне заурядного убийцу, и я его поймаю в два счета. Заурядные люди понимают друг друга. Но как я могу понять такого прохвоста? Ведь это мировой мошенник. Сто два преступления – и ни одного привода. Что я могу сделать? Когда передо мной гений, я теряюсь. Гении – это не для меня. (Наклоняется.) Что там такое? (Достает брюки Жоржа.) Его брюки!

Полицейский. Он снял их в воде, чтобы было свободнее...

Гобле. Ничего подобного! Они валялись на третьей ступеньке. Над водой.

Жорж карабкается наверх и исчезает.

Погодите! Он здесь разделся. Значит, он оделся во что-то другое. Стой! (Оборачивается туда, где был Жорж.) Держите его, держите!

Полицейские убегают.

Робер. Ирма?

Ирма. Робер?

Робер. Ты понимаешь?..

Ирма. Дай мне руку.

Робер. Прощай, Ирма!

Ирма. Прощай, Робер!

Гобле (оборачивается к ним). А вы, подлецы!..

Робер и Ирма, держась за руки, прыгают в воду.

Выловить их! Выловить! Держите его! Держите!

Полицейские возвращаются бегом и кидаются в воду.

(Вытирает лоб). Я ведь говорил, что мне его не поймать!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет главного редактора газеты «Суар-а-Пари». Большой письменный стол редактора, маленький – секретарши, стулья, телефон и т. п. Плакаты. Зеркало. На стене три фотографии Палотена.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жюль Палотен, Фифи.

Сартр Жан-Поль Только правда filosoff.org
Жюль (рассматривая фотографии, которые она ему показывает).

Похожи, по-твоему?

Фифи. Очень. Как вы красивы, господин Палотен!

Жюль. Возьми кнопки, мы повесим их на стенку.

Вешают фотографии, продолжая разговаривать.

Фифи. Было заседание правления.

Жюль. Когда?

Фифи. Вчера.

Жюль. Меня даже не подумали предупредить! Конечно, они хозяева... Ты не знаешь, о чем они говорили?

Фифи. Люсьен пробовал подслушать, но они разговаривали очень тихо. Когда они расходились, председатель правления сказал, что сегодня он заедет к вам.

Жюль. Чувствую, что этот скряга хочет меня слопать.

Телефонный звонок.

Фифи. Алло!.. Хорошо, господин председатель! (Жюлю.) Что мне сказать? Он спрашивает, может ли он прийти через час.

Жюль. Он хозяин: когда хочет, тогда и приходит.

Фифи. Конечно, господин председатель.

Жюль. Старая крыса! Выжига! Скряга!

Стучат.

Кто там?

Дверь открывается, на пороге Сибило.

Это ты, Сибило? Входи. Что тебе?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жюль, Сибило. Фифи уходит.

Сибило. Господин главный редактор, семь лет назад вы решили посвятить пятую страницу нашей газеты борьбе с коммунистической пропагандой и целиком доверили это мне. С тех пор я тружусь, не щадя сил. Я уж не говорю о том, что потерял здоровье, волосы на голове, равновесие духа. Но есть одно благо, от которого я не могу отказаться в интересах самой газеты. Это прожиточный минимум. Как найти злостную издевку, разящую заметку, убийственное словцо, как пророчить конец света, если я хожу в дырявых ботинках?

Жюль. Покажи. Целые. Сколько ты получаешь?

Сибило. Семьдесят тысяч.

Жюль. Неплохо.

Сибило. Я всем говорю, что получаю сто.

Жюль. Пожалуйста. Я даже разрешаю тебе надбавить до ста двадцати. Тогда все будут думать, что ты получаешь девяносто.

Сибило. Спасибо, господин Палотен! А не могли бы вы дать мне на самом деле?..

Жюль. Сто двадцать?

Сибило. Нет, что вы! Десяносто. Право же, мне очень трудно!

Жюль У тебя взрослая дочь. Она тебе не помогает?

Сибило. Она сама очень мало зарабатывает. И потом у нее другие убеждения.

Жюль. При чем тут убеждения? Деньги не пахнут.

Сибило. Она... прогрессистка...

Жюль. Девчонка!.. Это быстро пройдет.

Сибило. Приходится одалживать у нее. Для профессионального борца с коммунизмом это как-то неудобно...

Жюль. Наоборот, разорь их, разорь!

Сибило. Конец месяца – для меня кошмар.

Жюль. Сибило, наша газета покоится на любви, на сотрудничестве между классами. Я хочу, чтобы мы все вдохновлялись чистой любовью. Я бы тебя выгнал, если бы думал, что ты работаешь ради денег. Нет, ты борешься из любви к любви, против негодяев, которые хотят помешать богатству буржуазии и пролетариата.

Входит Фифи с гранками.

Ступай! Я подумую.

Сибило. До свидания, господин Палотен! Я вам очень признателен. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жюль, Фифи.

Жюль (берет гранки, пробегает). О! О! О! (Кричит, подойдя к двери.)
Тавернье! Перигор! На летучку!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Тавернье, Перигор.

Жюль. Слушайте, что вы наделали? Это же первая страница! Над вашими заголовками будут смеяться даже папуасы! «Революция в Египте»! Нечего сказать, нашли, чем порадовать читателей! Еще одна революция!

Перигор. Но это в Египте!

Жюль. Дурак, Египет в двух шагах. Революции – это как эпидемии. Мы должны щадить нервы наших читателей. На задворки Египет! На четвертую страницу! Заголовок поскромнее: «Беспорядки в Египте». Беспорядки всегда подавляются.

Перигор. А что на первую?

Жюль. Это я вас спрашиваю! Предлагайте. Хорошенько подумайте. Я хочу заголовок динамический, атомный!

Тавернье. Может быть, Марокко!

Жюль. Сколько там убитых?

Перигор. Семнадцать.

Жюль. На два больше, чем вчера. Это пойдет на вторую страницу. Заголовок: «Маракеш. Массовые демонстрации преданности Франции».

Перигор. Главное – первая страница.

Жюль. Как Аденауэр?

Тавернье. Он вчера опять обругал французов.

Жюль. Тогда ни слова. А война? В каком она сегодня виде? Холодная? Горячая?

Перигор. Никаких перемен.

Жюль. То есть тепловатая. Как вы сами.

Перигор поднимает руку.

Нашел заголовок?

Перигор. «Война отдаляется».

Жюль. Не годится. Война может отдаляться сколько ей угодно, но только не на первой странице. На первой война всегда приближается. Что в Вашингтоне? Даллес что-нибудь изрек?

Перигор. Нет.

Жюль. Сенаторы?

Перигор. Ни звука.

Жюль. Лодыри! Что же они тогда делают?

Тавернье поднимает руку.

Говори.

Тавернье. «Тревожное молчание Америки».

Жюль. Не подходит. Америка не тревожит. Америка успокаивает.

Перигор. «Успокоительное молчание Америки».

Жюль. Успокоительное? Но у меня на шее акционеры! Что они скажут? Я напишу через всю страницу «успокоительное», и люди действительно успокоятся, ни один из них не купит газеты...

Тавернье (подняв руку). «Тревожное молчание Советского Союза».

Жюль. Советский Союз тебя тревожит? Ты забыл про водородную бомбу? Это что тебе – детские игрушки?

Перигор. Я предлагаю разбить. Наверху: «Америка не принимает всерьез...», а под этим: «...тревожного молчания Советского Союза».

Жюль. Глупо. Если молчание тревожное, Америка должна принять его всерьез.

Перигор. «Вашингтон не преувеличивает и не преуменьшает тревожного молчания Советского Союза».

Жюль. Нечего сказать, придумал! Что это, газетный заголовок или ученая диссертация? Где же ритм? Побыстрее, покороче! В газете не пишут, в газете танцуют! В Америке умеют делать заголовки! Скажите: почему вы не американцы?

Тавернье. Но что делать, если ничего не происходит? Только семнадцать убитых в Марокко...

Перигор. ...два самоубийства, чудесное исцеление в Трувиле, дипломатическая нота, кража бриллиантов...

Тавернье. ...четыре автомобильные катастрофы, два пограничных инцидента...

Жюль. В общем, ровно ничего.

Телефонный звонок, Фифи берет трубку.

Кто это?

Фифи. Лансело.

Жюль (берет трубку). Алло!.. О! Когда?.. (Кладет трубку.) Заголовок есть. Жорж де Валера скрылся.

Тавернье. Афера с пятьюдесятью миллионами?

Перигор. Тот самый Валера?

Жюль. Тот самый. Это гений нашего века. Вы дадите его фото на первой странице.

Телефонный звонок.

(Берет трубку.) Что?.. Что? Не может быть... Никаких подробностей?.. Жаль... (Кладет трубку.) Черт побери!

Тавернье. Поймали Валера?

Жюль. Нет. Но хороший заголовок никогда не приходит в одиночку. Не было ни одного, а теперь надо выбирать.

Тавернье. Что случилось?

Жюль. Исчез советский министр Некрасов.

Перигор. То есть как это исчез?

Жюль. Очень просто. Удрал за границу.

Перигор. Какие подробности?

Жюль. К сожалению, почти никаких. Он не был в Большом театре на премьерке, и потом никто его не видал.

Тавернье. Кто сообщает?

Жюль. Рейтер и Франс Пресс.

Тавернье. А ТАСС?

Жюль. Ни звука.

Тавернье. Что же нам делать? Некрасов или Валера?

Жюль. Некрасов. Заголовок: «Некрасов исчез». Подзаголовок: «Советский министр выбрал свободный мир». У вас есть его фото?

Перигор. Конечно. С черной повязкой на глазу.

Жюль. На первую страницу!

Перигор. А Валера?

Жюль. На четвертую.

Телефон.

Еще одна сенсация— и мы пропали.

Фифи. Алло!.. Да, да, господин председатель. (Жюлю.) Председатель правления.

Жюль. Скажите этому скряге, что я его жду.

Фифи. Пожалуйста, господин председатель. (Кладет трубку.)

Жюль. Ну, до скорого!

Тавернье и Перигор уходят. Жюлю очень не хочется надевать пиджак, но он его все-таки надевает.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жюль, Фифи, Баран.

Жюль. Здравствуйте, дорогой господин Баран!

Баран. Здравствуйте, дорогой господин Палотен! У меня прекрасная новость. Сегодня мне позвонил министр внутренних дел. Он дал мне понять, что предполагает предоставить нам монополию на объявления.

Жюль. Это сверх ожиданий!

Баран. Не правда ли? Мы сможем улучшить качество газеты и сократить расходы.

Жюль. Мы будем выходить на двадцати страницах, мы прикончим «Пари Пресс» и «Франс-суар»! А что министр хочет в обмен?

Баран. Ровно ничего. Как вы могли подумать? Мы готовы принять знаки благодарности, но подкупить нас нельзя. Подумайте сами: «Суар-Пари» – правительственный орган. Естественно, что ему дают возможность идти в ногу с веком. Но я должен вам сказать откровенно: некоторые из моих коллег находят, что «Суар-а-Пари» немножко слинял. Читателей привлекали задор, изюминка, а их больше нет.

Жюль. Надо учитывать международное положение. Напряженность спадает. Вчера, например, ничего не произошло.

Баран. Конечно... Вы знаете, я всегда вас защищаю. Но нужно понять министра. Он сказал мне, что газета должна быть более боевой. Когда мы этого добьемся, он предоставит нам монополию.

Жюль. Конкретно?

Баран. Министр, между прочим, говорил о выборах в Сен-э-Марн. Выборы пройдут под лозунгом: «За или против вооружения Германии». Вы знаете госпожу Бунуми? Это правительственная кандидатура. Хорошая христианка, хорошая супруга, мать двенадцати живых детей. Она прекрасно понимает рядовых французов. Право же, у нее могут поучиться редакторы газет. Посмотрите на плакат, который она расклеила. (Достает из портфеля плакат, на котором огромными буквами написано: «Братство через вооружение» и ниже: «Чтобы сохранить мир, все средства хороши, даже война».)

Жюль. Фифи, кнопки!

Фифи прикалывает плакат к стене.

Баран. К сожалению, обстановка в Сен-э-Марн не блестящая. Мы можем рассчитывать только на тридцать тысяч голосов. Коммунисты получают столько же. Может быть, несколько больше. Хорошая половина избирателей вообще не явится к урнам. А десять тысяч, видимо, проголосуют за радикала Пердриера. Может пройти коммунист.

Жюль (который ничего не понимает). Понимаю.

Баран. Министр сказал, что это было бы катастрофой. Но он нашел выход.

Пердриер должен снять свою кандидатуру и призвать своих единомышленников голосовать за госпожу Бунуми. Загвоздка в том, что Пердриер не хочет. Это чудак, он ненавидит коммунистов, но он против вооружения Германии. И знаете почему? Немцы разграбили его дом в тысяча девятьсот сороковом, а в сорок четвертом отправили его в концлагерь.

Жюль. Подумаешь!

Баран. Я вам говорю, что он оригинал. Это невероятно, но он боится немцев больше, чем русских. Все же я убежден, что он снимет свою кандидатуру, если вы ему докажете, что русские страшнее немцев.

Жюль. Но как я могу ему доказать?

Баран. Десять тысяч его избирателей читают «Суар-а-Пари».

Жюль и что же!

Баран. Будьте неистовым! Заразите всех паникой!

Жюль. Я только это и делаю! Пятая страница целиком посвящена красной опасности.

Баран. Дорогой господин Палотен, правление уполномочило меня сказать вам, что ваша пятая никуда не годится. Я вспоминаю вашу прекрасную подборку: «Завтра – война!» Люди обливались холодным потом. А ваши фотомонтажи! Советский маршал на гнедом коне въезжает в горящий собор Парижской богоматери. Вот это были шедевры. Но за последний год я отмечаю подозрительный спад. Скажите, вы не чувствуете некоторой тревоги?

Жюль. Что же вы видите тревожного?

Баран. То, что люди успокоились.

Жюль. Успокоились? Вы преувеличиваете, господин председатель.

Баран. Ничуть не преувеличиваю. Помните, два года назад бал в Рокамадуре? Молния ударила в ста метрах. Паника. Сто жертв. Уцелевшие рассказывали: «Мы думали, что нас бомбят советские летчики». Тогда наша правдивая печать работала действительно хорошо. А теперь... Вчера институт опроса общественного мнения опубликовал ответы на анкету... Вы читали?

Жюль. Нет еще.

Баран. Они опросили десять тысяч представителей всех общественных слоев. На вопрос: «Где вы умрете?» – десять процентов ответили, что они не знают. Все остальные заявили, что умрут в своей кровати.

Жюль. В своей кровати!

Баран. В своей кровати! И это рядовые французы, наши читатели! Если вспомнить Рокамадур, – какое падение!

Жюль. Никто не ответил, что умрет сожженным, испепеленным, расщепленным?..

Баран. В своей кровати!

Жюль. Ни один не вспомнил водородную бомбу, смертоносные лучи, отравленные облака, радиоактивный пепел?

Баран. В своей кровати! Подумать только, в середине двадцатого века, при небывалом расцвете техники, они собираются умереть в своей кровати, как будто это средневековье! Дорогой Палотен, я скажу вам откровенно: это ваша вина!

Жюль. При чем тут я?

Баран. Ваша газета стала пресной, беззубой. Не далее чем вчера вы говорили о мире.

Жюль. Я? Никогда!

Баран. На первой странице.

Жюль. Но это не я, это Молотов! Мы ведь должны информировать.

Баран. О чем вы думаете, когда весь мир в смертельной опасности? Что объединяет западные страны? Только страх. Если успокоить людей, Атлантический пакт распадется. Где же мы тогда найдем силы, чтобы готовиться к войне?

Жюль. К какой войне?

Баран. К предстоящей.

Жюль. Но я не хочу войны.

Баран. Ах, вы не хотите!.. Где же вы собираетесь умереть?

Жюль. В своей...

Баран. В своей!.. Знаете, кто вы такой? Вы подсознательный нейтралит, вы инстинктивный пацифист. Никто не отрицает ваших способностей, я вчера сказал правлению, что вы Наполеон объективной информации. Но вам не хватает неистовства. Добейтесь, чтобы Пердриер снял свою кандидатуру. Начните колоссальную кампанию. Развейте мирные мечты ваших читателей. Докажите им, что само существование Франции зависит теперь от мощи германской армии, от гегемонии Америки. Пусть жизнь станет для них страшнее смерти!

Жюль (фифи). Сейчас же вызовите Сибило!

Фифи (у телефона). Сибило! и немедленно!

Баран. Завтра в десять утра правление соберется снова. Было бы хорошо, если бы к этому времени вы представили нам ваши проекты. (Встает.) Не провожайте меня. (Уходит.)

Жюль (бегая по комнате). А, чтоб их всех!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жюль, фифи, Сибило.

Жюль. Подойди, подойди сюда.

Сибило. Господин Палотен, я хочу поблагодарить вас.

Жюль. Погоди благодарить!

Сибило. Я не думал, что вы так быстро удовлетворите мою просьбу. Я заблуждался. Отныне я верю в людей.

Жюль. Напрасно! Ты никуда не годишься для нашей газеты. Ты сделал из пятой страницы богадельню!

Сибило. Но, господин Палотен...

Жюль. Одно из двух: или ты продался красным, или ты круглая бездарность.

Сибило. Клянусь вам, что это не так.

Жюль. Докажи.

Сибило. Но как?

Жюль. Завтра я открываю кампанию против коммунистической партии. Мы должны ее уничтожить в две недели. Понятно? Мне нужен громила высокого класса, зубодробитель, чемпион политического бокса. Разве ты на это способен?

Сибило. Да!

Жюль. Тогда дай мне сейчас же какую-нибудь гениальную идею!

Сибило. Сразу?

Жюль. У тебя тридцать секунд.

Сибило. Тридцать секунд для гениальной идеи?

Жюль. Осталось только пятнадцать.

Сибило. «Блеск и нищета московских куртизанок». В картинках.

Жюль. Можешь получить расчет.

Сибило. Господин Палотен, я вас умоляю! Если вы меня уволите, я приду домой и повешусь!

Жюль. Большой беды не будет... Ладно. Даю тебе срок до завтра. Если завтра в десять утра ты не придешь сюда с потрясающей идеей, можешь вообще не приходить.

Сибило. Завтра в десять?

Жюль. У тебя вся ночь впереди.

Сибило. Вы получите вашу идею, господин Палотен. Но я хочу вам сказать одно... Я больше не верю в людей.

Жюль. Не веришь в людей? Что же, для твоей работенки это самое лучшее. Теперь ты, может быть, и найдешь гениальную идею.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Столовая в квартире Сибило. Мещанская обстановка. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жорж, потом Вероника.

Жорж влезает в окно, чуть было не роняет вазу, но вовремя подхватывает ее. Свистки. Жорж прижимается к стене. Полицейский просовывает голову в окно, освещает комнату карманным фонариком. Жорж затаил дыхание. Полицейский исчезает. Жорж борется с желанием чихнуть. Трет нос, открывает рот и в конце концов громко чихает.

Вероника (издалека). Кто здесь?

Жорж чихает еще раз, бросается к окну, перекидывает одну ногу через подоконник. Свистки совсем близко. Поспешно возвращается в глубь комнаты. В эту минуту входит Вероника.

Жорж (отступает и упирается в стену, подняв руки вверх). Пропал!

Вероника. Кто пропал? (Разглядывает Жоржа.) Вор!

Жорж. Где вор?

Вероника. Разве вы не вор?

Жорж. Ничего подобного! Я просто пришел к вам в гости.

Вероника. Ночью?

Жорж. Да.

Вероника. А почему вы подняли руки вверх?

Жорж. Потому что ночь. Вы ведь меня не ждали. В таких случаях гость всегда поднимает руки вверх.

Вероника. Допустим. Но теперь вы можете опустить руки.

Жорж. А вдруг вы испугаетесь...

Вероника. Сядьте.

Оба садятся.

(Разглядывает его) Вы правы, вас трудно принять за вора.

Жорж. Благодарю. Мне приятно, что вы мне доверяете.

Вероника. Я доверяю вашим рукам. У них удивительно дурацкий вид. Сразу видно, что вы никогда ничего не делали вашими десятью пальцами.

Жорж (сквозь зубы). Я работаю преимущественно языком.

Вероника. У воришек другие руки.

Жорж (неприятно удивлен). Откуда вы знаете?

Вероника. Мне приходилось бывать в судах.

Жорж. Я вас не поздравляю.

Вероника. Это было в прошлом году. Теперь я театральный критик.

Жорж. Вы журналистка?

Вероника. Да. А вы?

Жорж. Меня, скорее, привлекала поэзия.

Вероника. Чем же вы занимаетесь?

Жорж. Вы хотите знать мою профессию? Я разговариваю.

Вероника. Почему же вы теперь молчите?

Жорж. Нет подходящей темы для разговора.

Вероника. Зачем вы сюда пришли?

Жорж. Я вам не могу этого сказать. Позовите вашего мужа.

Вероника. Я не замужем.

Жорж (показывая на трубки на столе). Значит, это вы курите трубку?

Вероника. Отец.

Жорж. Позовите его.

Вероника. Он в редакции.

Жорж. Ага, значит, вы оба журналисты?

Вероника. Да, но мы работаем в разных газетах.

Жорж. Здесь никого больше нет?

Вероника. Это вас стесняет?

Жорж. Это может вас скомпрометировать. А мне это было бы неприятно.

Вероника. Тогда уходите. Вернетесь, когда придет отец.

Жорж. До свидания. (Неохотно встает.)

На улице свистки.

(Снова садится.) Если это не очень вас стеснит, я предпочитаю подождать здесь.

Вероника. Вы меня не стесняете, но я собиралась уходить. Я могу оставить вас одного, но я все-таки хотела бы знать, зачем вы пришли.

Жорж. Естественно. (Пауза.) В общем...

Вероника. Ну!

Жорж (чихает и стучит ногой об пол). Я простудился. Единственный и глупый результат неудавшегося проекта.

Вероника. Вот вам носовой платок.

Жорж. Я не могу опустить руки.

Вероника. Вы что, парализованы?

Жорж. Нет. Но, если я опущу руки, вы позовете полицию или вытащите из стола револьвер.

Вероника. Может быть, вы хотите, чтобы я подняла руки вверх? (Поднимает руки.) Так вам удобнее?

Жорж (медленно опускает руки). Да, конечно.

Вероника. Теперь вы можете ответить мне.

Жорж. А на что, собственно, ответить?

Вероника. Вот уже час, как я вас спрашиваю: зачем вы сюда пришли?

Жорж. Зачем я сюда пришел? Это очень просто. Только, пожалуйста, опустите руки!

Вероника опускает руки.

Вот так!

Вероника. Я вас слушаю.

Жорж. Жаль, что нет вашего отца. Я обожаю женщин, я люблю объясняться им в любви, но я ненавижу давать им объяснения.

Вероника. Забавно. Почему?

Жорж. Они ничего не понимают. Предположим, – это, разумеется, чистая выдумка, – я вам скажу, что я мошенник, что за мной гонится полиция, ваше окно открыто, вот я и здесь. Вы способны это понять?

Вероника. Что же тут понимать? Значит, вы мошенник, вот и все.

Жорж. Это все, что вы поняли?

Вероника. Да. Разве это не главное?

Жорж. Нет.

Вероника. Значит, вы не мошенник?

Жорж. Я вам сказал, что я мошенник, но это не главное. Главное, что за мной гонится полиция. Мужчина понял бы это сразу. (Внезапно переходит на крик.) За мной гонится полиция, понимаете?

Вероника. Не кричите!

Пауза.

Жорж. Что же вы намереваетесь сделать?

Вероника. Опущу шторы. (Опускает шторы.)

Жорж. А потом?

Вероника. Ничего.

Жорж. Неопределенный ответ. Это может означать все что угодно, Вы можете расплакаться или бросить мне в голову эту вазу. Знаете, что ответил бы мне ваш отец?

Вероника. «Я вызову полицию».

Жорж (подскочив). Вы хотите вызвать полицию?

Вероника. Нет. Так ответил бы мой отец.

Жорж. Это был бы правильный ответ, мужской.

Вероника. Может быть. Но тогда на этих руках были бы давно наручники.

Жорж. Нет.

Вероника. Вы уверены?

Жорж. Да. Мужчин я умею убедить. У них есть логика. Это мне помогает. Но где ваша логика? Где ваш здравый смысл? Если я вас правильно понял, вы не собираетесь меня выдавать.

Вероника. Вы меня правильно поняли.

Жорж. Именно поэтому вы меня выдадите. Не возражайте. Как все женщины, вы впечатлительны и непоследовательны. Вы мне улыбаетесь, а потом вы испугаетесь какой-нибудь ерунды и начнете кричать.

Вероника. Разве я закричала, когда вас увидела?

Жорж. Вот об этом я и говорю: ваш крик еще за вами. Я знаю женщин. Уж если есть возможность крикнуть, рано или поздно они крикнут. Стоит полиции постучать в дверь, как вы закричите.

Стук в дверь. Голос: «Полиция».

Спрячьте меня!

Вероника. Пройдите туда.

Жорж убегает в соседнюю комнату. Вероника открывает дверь, Гoble просовывает голову.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вероника, Гoble.

Гoble. Вы, случайно, не видали мужчину, брюнет, рост – один метр семьдесят восемь?..

Вероника. Нет.

Гoble. Так я и думал. (Исчезает.)

Вероника запирает дверь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вероника, Жорж.

Вероника. Можете вылезти.

Жорж входит, закутанный в красное одеяло. Она хохочет.

Жорж (оскорбленно). Нечего смеяться. Я продрог. Я хотел согреться. (Садится.) Вы его обманули.

Вероника. А вы недовольны? Вы никогда не обманываете?

Жорж. Я – это другое дело. Я мошенник. Но если бы все порядочные люди поступали, как вы...

Вероника. Что тогда?

Жорж. Что стало бы с общественным строем?

Вероника. Вот уж что меня не беспокоят! Я не люблю полицию.

Жорж. Не любите полиции? Вы что же, воровка? Клептоманка?

Вероника. Я вам сказала, что я журналистка.

Жорж. Тогда вы должны любить полицию. Все порядочные люди любят полицию.

Вероника. За что?

Жорж. Она их охраняет.

Вероника. Охраняет? На прошлой неделе они меня... (Засучивает рукав и показывает ему руку.) Видите синяки?

Жорж. По ошибке?

Вероника. Нет.

Жорж. Значит, вы в чем-то провинились?

Вероника. Я участвовала в демонстрации.

Жорж. Зачем?

Вероника. Протестовала.

Жорж. Удивительно! кому бы из нас двоих протестовать? Конечно, мне, но я вот не протестую. Никогда в жизни я не участвовал в демонстрациях. Сейчас, когда мне предстоит тюрьма, смерть, я принимаю мир таким, как он есть. А вам двадцать лет, вы вольны делать, что вам вздумается, вы вольны жить, как вам хочется, и вы еще недовольны. (Подозрительно.) В общем, вы красная?

Вероника. Розовая.

Жорж. А ваш отец? Ему это нравится?

Вероника. Нет. Он работает в «Суар-а-Пари».

Жорж. Вот это я одобряю! «Суар-а-Пари» – моя любимая газета Ваш отец – действительно порядочный человек. Наверно, он и рассуждает по-человечески. А вы не видите дальше кончика вашего носа. Я умею рассуждать. Я вижу

Сартр Жан-Поль Только правда filosoff.org
будущее. Мало спасти человека, надо помочь ему жить. Вы подумали, что со мной будет завтра?

Вероника. Наверно, вернетесь к своим аферам.

Жорж. Вот и не угадали.

Вероника. Может быть, вы собираетесь стать честным человеком?

Жорж. Нет, этого я не сказал. Я говорю, что у меня нет теперь возможности быть нечестным. Мошеннику нужен оборотный капитал. Два хороших костюма, смокинг, дюжина рубашек, три пары ботинок, набор галстуков, золотая булавка, кожаный портфель. А у меня только эти лохмотья и ни гроша в кармане. Могу я в таком виде явиться к директору крупного банка?

Вероника. Я вам могу дать немного денег.

Жорж. Ни в коем случае. Деньги – это святыня. Я никогда их не принимаю, я их беру.

Вероника. Возьмите их.

Жорж. Я не могу их взять, потому что вы мне их даете. (Неожиданно.)
Послушайте, у меня к вам деловое предложение. Я согласен дать вам интервью.

Вероника. Вы – мне?

Жорж. Но ведь вы журналистка! Ставьте вопросы.

Вероника. О чем?

Жорж. О моем искусстве.

Вероника. Я вам сказала, я занимаюсь театром. И потом моя газета не интересуется мошенниками.

Жорж. Понимаю: газета прогрессистов. Зеленая скука. (Пауза.) Я Жорж де Валера.

Вероника (это имя все же произвело на нее впечатление). Вы?..

Жорж. Да. Великий Жорж де Валера. У вас бедная газета, я знаю. Я возьму с вас недорого. Два костюма, полдюжины рубашек, три галстука и пару ботинок. (Встает и начинает декламировать.) В 1917 году в Москве у пожилого казака и молодой монахини родился ребенок. Это был я. Все думали, что я родился мертвым. Но я...

Вероника. Хватит!

Жорж. Это вас не интересует?

Вероника. Я вам сказала, что я должна уйти. У меня нет времени.

Жорж. А когда вы вернетесь?

Вероника. Меня не интересуют мошенники, даже гениальные.

Слышно, как открывают входную дверь.

Жорж. Кто это?

Вероника. Отец. Если он вас увидит, он позовет полицию. Спрячьтесь.

Жорж исчезает.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вероника, Сибило.

Сибило. Ты еще дома?

Вероника. Как раз ухожу. Я не думала, что ты вернешься так рано.

Сибило (горько). Я тоже не думал.

Вероника. Я должна сказать тебе одну вещь...

Сибило. Негодяи...

Вероника. Кто?

Сибило. Все! Дай мне выпить!

Вероника. Тебе нельзя.

Сибило. К черту!

Вероника (наливает ему рюмку). Представь себе...

Сибило. Неблагодарные люди! Злые! Подлые! Все мы такие!

Вероника. Час назад...

Сибило. Я хотел бы быть собакой: собаки знают, что такое верность, любовь. Нет, собаки дураки: они любят людей. Я хотел бы быть котом! Нет, коты тоже похожи на человека. Я хотел бы быть акулой, плыть за кораблем и пожирать матросов!

Вероника. Но что случилось?

Сибило. Меня выбросили на улицу.

Вероника. Тебя выбрасывают на улицу два раза в месяц.

Сибило. Сегодня это всерьез. Десять лет жизни я посвятил разоблачению коммунистов. Каждый раз я подавал мое блюдо под новым соусом. Кто придумал саботаж в Диксмюде? Кто сочинил антигосударственный заговор? А история с почтовыми голубями? Я. Все я. Десять лет я защищал Европу – от Берлина до Сайгона. Я сокрушал вьетнамцев, я отрицал Китай, я уничтожал Советскую Армию со всеми ее самолетами и танками! И вот тебе человеческая благодарность! Палотен выкинул меня на мостовую.

Вероника (равнодушно). Завтра он позовет тебя обратно.

Сибило. Нет. Все кончено. Им нужен гений. А я – обыкновенный, средний человек. Десять лет я им служил верой и правдой. А что я за это получил? Пинок в зад. (Вдруг.) А ведь, если подумать, коммунисты мне ничего плохого не сделали.

Вероника. Даже у тебя проясняется сознание?

Сибило. Нет, ты меня не собьешь с истинного пути, я человек старого уклада. Я слишком ценю человеческое достоинство. Нечего сказать – человеческое достоинство! Выбросили на улицу, как жулика! Меня! Старого профессионального журналиста! На мостовую. Без пенсии. Может быть, это подходящая тема? «В Советском Союзе старики не имеют права на пенсию». (Смотрится в зеркало, показывает на свои седые волосы.) Можно написать нечто потрясающее об их седидах.

Вероника. Я читала, что там все получают пенсию.

Сибило. Это не важно! Помолчи! Дай мне подумать... Нет, не годится. Читатель скажет: может быть, русские и не получают пенсии, но зачем же вооружать немцев? Ты понимаешь, что вооружить немцев необходимо? Но, собственно, почему? Какие на это резоны?

Вероника. Никаких.

Сибило. Нет, необходимо! Надо вооружить Германию, Японию, весь мир! Хватит

Сартр Жан-Поль Только правда filosofoff.org
с меня издевательств! Пусть все сдохнут!

Вероника. И ты в том числе?

Сибило. И я. Тем лучше. Все сдохнем. Да здравствует война! (Закашлялся.)

Вероника (подносит ему рюмку). Какой-то бродяга попросился переночевать у нас. Я его оставила.

Сибило. Ты с ума сошла! Сейчас же позвони в полицию!

Вероника. Нет, мне его жалко.

Сибило. Если он украл, его надо посадить.

Вероника. Это не вор. Я прошу тебя, оставь его в покое. Утром он уйдет.

Сибило. Черт с ним! Пусть только молчит и не мешает мне думать. Мне нужно найти гениальную идею.

Вероника (Жоржу, в соседнюю комнату). Вы слышали? Не мешайте отцу работать. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сибило, один.

Сибило. Откуда я возьму идею? Я им предлагал куртизанок в картинках – не хотят. Но что я могу придумать? Заговор... террор... (При каждом слове думает и отрицательно качает головой.) Голод? Старо, с тысяча девятьсот семнадцатого года одно и то же. (Просматривает газеты.) Удрал Некрасов. (Читает.) Нет подробностей. Кто-нибудь на этом заработает. Только не я. (Снова раздумывает.) Саботаж, заговор.

Жорж громко чихает.

Если бы мне по крайней мере дали спокойно работать! Заговор... террор... Может быть, попробовать с другого конца? Западная культура.. Миссия Европы... Свобода духа...

Жорж чихает.

Замолчите, вы там! (Снова ищет.) Заговор в картинках... заговор без картинок.

Жорж чихает.

Сибило. Да я убью этого мерзавца!

Жорж снова чихает. За сценой: «черт возьми!»

(В ярости.) Ах, так? Хватят. (Снимает телефонную трубку.) Алло!.. Полиция?.. Говорит Рене Сибило, журналист, улица Гульден, тринадцать, первый этаж налево. Ко мне проник какой-то подозрительный тип, пришлите кого-нибудь.

Жорж слушал в дверях и теперь выходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сибило, Жорж.

Жорж. Вы действительно порядочный человек! Разрешите пожать вашу руку. (Подходит с протянутой рукой.)

Сартр Жан-Поль Только правда filosoff.org
Сибило (отскакивая). Помогите!

Жорж (бросается на него). Тише, тише! (Зажимает рот Сибило рукой.) Разве у меня лицо убийцы? Это – трагическое недоразумение. Я вами восхищаюсь, а вы думаете, что я хочу вас убить. Вы должны служить примером фальшивым либералам. Они потеряли всякое чувство долга. Не бойтесь, я не убегу. Я вас прослаблю. Завтра все газеты напишут, что меня арестовали в вашем доме. Вы мне верите?

Сибило в состоянии только кивнуть.

(Отпускает его.) Теперь разрешите мне полюбоваться порядочным человеком во всем его величии. (Пауза.) Если я вам скажу, что я собирался покончить с собой, спасаясь от полиции?

Сибило. Не пытайтесь меня разжалобить.

Жорж. Очень хорошо. А если я вытащу порошок, проглочу и рухну мертвым у ваших ног, что вы скажете?

Сибило. Я скажу, что преступник понес заслуженное наказание.

Жорж. Сразу видно, что вы далеки от вредных идей, которые объясняют преступность социальными условиями.

Сибило. Преступник – это преступник.

Жорж. Восхитительно! Я не посмею растрогать вас воспоминаниями о моем злосчастном детстве. Не все ли равно, что я жертва первой мировой войны, русской революции, капитализма...

Сибило. Есть другие жертвы. Например, я. Но я не вор.

Жорж. У вас на все есть ответ. Ваши убеждения непоколебимы.

Сибило. Хватит! Мне некогда слушать вашу болтовню. Ступайте в ту комнату, пока не придет полиция.

Жорж. Еще одно слово, и я уйду. Вы, честный человек, и я, мошенник, мы оба сошлись на одном. Мы оба осуждаем коммунизм. Мы оба уважаем частную собственность.

Сибило. Вы уважаете собственность?

Жорж. Как же я могу ее не уважать? Я ею живу. Я знаю, что вы мне ответите. Конечно, время от времени я перемещал капиталы. Ну и что же? Это даже помогает сохранению порядка. Ведь, не будь воров, чем можно было бы оправдать существование полиции? Ваша дочь хотела меня спасти, вы решили меня выдать, но, поверьте, вы мне гораздо ближе. Разрешите теперь перейти к практическим выводам. Для меня совершенно очевидно, что мы должны работать вместе.

Сибило. Работать с вами? Да вы с ума сошли!

Жорж. Я могу быть вам очень полезным.

Сибило. Вы – мне?

Жорж. Я слышал, что вы говорили вашей дочери. Вы ищете гениальную идею. Не так ли? Что же, я могу вам ее подсказать.

Сибило. Вы? Идею? Для борьбы с коммунизмом? Да разве вы в этом разбираетесь?

Жорж. Мошенник должен разбираться во всем.

Сибило. Ну, говорите, только скорей, и я замолвлю за вас словечко перед полицией.

Жорж. Невозможно.

Сибило. Почему?

Жорж. Я могу быть вам полезным только на свободе.

Сибило. Но полиция...

Жорж. Полиция сейчас явится. Еще две-три минуты. У меня есть время рассказать вам о себе. Я круглый сирота. С детства передо мной возник выбор: стать гением или погибнуть. Господин Сибило, я не горжусь своей гениальностью. Это просто мое свойство. Я так же гениален, как вы честны. Думали ли вы когда-нибудь, какую силу представляет союз гения и честности, вдохновения и упорства? У меня сколько угодно идей. Но у меня не хватает терпения. А у вас нет идей. Идеи вами правят. Вы порядочный человек, и вы умеете работать. Вместе мы станем господами мира. Представьте себе, что моя гениальная мысль овладевает вами. Она сразу подчинит себе весь мир.

Звонок. Сибило слушает как замороженный, подсакивает.

Сибило. Это...

Жорж. Да... Решайте. Если вы меня выдадите, вы проведете бессонную ночь, а утром вас выгонят. Если вы меня спасете, я вас сделаю богатым и знаменитым. Не забывайте, что я гений.

Сибило. Но откуда мне знать, что вы действительно гений?

Жорж. Можете спросить полицейского инспектора. (Берет со стола газету и скрывается в соседней комнате.)

Сибило открывает входную дверь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сибило, Гoble.

Гoble. Господин Сибило?

Сибило. Да, это я.

Гoble. Где он?

Сибило. Кто?

Гoble. Жорж де Валера.

Сибило (имя Жоржа произвело на него сильное впечатление). Вы ищете Жоржа де Валера?

Гoble. Да. Но я потерял всякую надежду его найти. Он выскользывает у меня из рук, как угорь. Разрешите, я присяду. (Оглядывает комнату.) У вас нет рояля. Это хорошо.

Сибило. Вы не любите роялей?

Гoble. Я их слишком часто вижу.

Сибило. Где?

Гoble. У богатых людей. Разрешите представиться: инспектор полиции Гoble.

Сибило. Очень приятно.

Гoble. Мне у вас нравится. Обстановка совершенно как у меня. Мне нравится этот пейзаж. (Показывает на стену.) Чьей кисти?

Сибило. Это просто копия.

Гoble. Вот и хорошо. Я ненавижу подлинники. Они висят у богатых.

Сибило. Я повесил ее, чтобы скрыть пятна от сырости. Здесь протекает.

Гобле. У меня тоже протекает.

Жорж чихает за стеной.

Что это?

Сибило. Сосед. Он не выносит сырости, всегда простужен.

Гобле. Я его понимаю. Я тоже всегда простужен. Мне у вас удивительно нравится. Я себя чувствую как у себя дома. Мне осточертели роскошные квартиры. Моя специальность – крупные аферисты и мошенники. Вы не можете себе представить, где мне приходится бывать! Я должен приходиться с черного хода, ждать между роялем и пальмами, улыбаться расфуфыренным дамам и надушенным мужчинам. Они обращаются со мной, как с прислугой.

Сибило. А вы не можете поставить этих людей на свое место?

Гобле. Они и так на своем месте. Это я не на своем месте. У меня вообще нет места. Впрочем, вы это знаете по себе.

Сибило. Я? Достаточно того, что каждый день я должен лизать пятки редактору.

Гобле. А я, я тысячу раз в день должен лизать пятки начальнику полиции. Знаете, что мне сразу у вас понравилось? Это квартира скромного труженика, который несет свой крест с достоинством. Чувствуется, что вам дают ногой в зад. Наконец-то я попал к ровне. У вас вид человека, который зарабатывает, как я, шестьдесят в месяц.

Сибило. Семьдесят.

Гобле. Шестьдесят, семьдесят – это одно я то же. Вот получай вы сто, вы бы выглядели иначе. (С чувством.) Бедный господин Сибило!

Сибило. Бедный господин инспектор!

Рукопожатие.

Гобле. Мы можем понять друг друга. Нашу бедность и наше величие. Выпьем!

Сибило. С удовольствием!

Гобле. За защитников западной цивилизации!

Сибило. За тех, кто защищает богатых, но не любит их! Кстати, может быть, у вас есть идея?

Гобле. Идея?

Сибило. Да ! Как уничтожить коммунизм.

Гобле. А-а, вы работаете в отделе пропаганды! Никогда вы не найдете вашей идеи. Это для вас слишком хитрая штука. Так ж, как я никогда не поймаю моего Валера.

Сибило. Разве он так хитер?

Гобле. Он? Если бы я не боялся громких слов, я бы сказал, что это гений. Кстати, вы говорили, что он спрятался в вашей квартире...

Сибило. Я?... Я сказал, что какой-то субъект...

Гобле. Это он. Если он был здесь... логически рассуждая, он и сейчас должен быть здесь: мои люди расставлены повсюду. Но вы видите, какого я о нем высокого мнения: я не стану обыскивать вашу квартиру. Я убежден, что он уже ускользнул. Кто знает, где он теперь ж за кого себя выдает. Может быть, это вы?

Сибило. я?

Гобле. Я пошутил. Теперь несколько слов для моего рапорта. (Записывает.) Вы его увидели, сейчас же позвонили в полицию, он этим воспользовался и удрал.

Сибило. Собственно говоря, я...

Гобле. Все в порядке. Я сохраню наилучшие воспоминания о нашем знакомстве. Мы должны еще встретиться.

Сибило. Буду очень рад.

Гобле. Я как-нибудь позвоню вам. Если у вас найдется свободный вечерок, мы пойдем вместе в кино. На правах старых холостяков.

Рукопожатие. Гобле уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сибило, Жорж.

Сибило открывает дверь комнаты. Жорж входит с газетой.

Сибило. Выкладывайте вашу идею и убирайтесь вон!

Жорж. Нет.

Сибило. Что такое?

Жорж. Без меня нет моих идей. Мы неразлучны.

Сибило. Тогда я обойдусь без вас. Убирайтесь!

Жорж. Папаша, ты слышал, что сказал тебе инспектор? Я гений!

Сибило. Чего же вы хотите?

Жорж. Я останусь у тебя, пока полиция не уйдет с вашей улицы.

Сибило. А потом? Сколько вы с меня возьмете?

Жорж. Ничего.

Сибило. Хорошо, оставайтесь. (Пауза.) Где же ваша идея?

Жорж (не спеша наливает себе рюмку вина, набивает одну из трубок Сибило и кладет перед собой газету). Вот она...

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет Палотена.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Палотен, Тавернье, Перигор, Фифи.

Жюль. Который час?

Тавернье. Без двух десять.

Жюль. Сибило еще не пришел?

Тавернье. Нет.

Жюль. А ведь обычно он приходит раньше времени.

Телефон.

Фифи. Алло!.. Да, господин председатель! (Жюлю.) Правление собралось. Он спрашивает, какие новости.

Жюль. Новости? Пусть убирается ко всем чертям!

Фифи. Господин председатель, он в наборной.

Жюль. Погоди, скажи, что я готовлю ему приятный сюрприз.

Фифи. Он просил передать, что он вам готовит приятный сюрприз.

Жюль. Старый скряга! Я тебе покажу сюрприз! Вызови сейчас же Сибило!

Фифи (в трубку). Сибило к редактору! (Жюлю.) Он еще не пришел.

Жюль. Который час?

Фифи. Пять минут одиннадцатого.

Жюль. Ну, он у меня получит!

Телефон.

Это Сибило?

Фифи. Да, господин министр! (Жюлю.) Это министр внутренних дел. Он спрашивает, какие новости.

Жюль. Скажи, что меня нет, но я готовлю ему сюрприз.

Фифи. Редактор вышел. Но он просил передать вам, что он готовит вам приятный сюрприз... Хорошо, господин министр. (Жюлю.) Он позвонит вам через час.

Жюль. Где же Сибило? Позвони ему домой.

Фифи (набирает номер). Никто не отвечает.

Жюль. Я его выкину! Если он прячется – значит, он ничего не придумал. Кем его заменить?

Тавернье. Тьерри-Мольнье?

Жюль. Не годится.

Тавернье. Но ведь это очень эрудированный человек, и он смертельно боится коммунизма!

Жюль. Да, но он не умеет заразить своим страхом других. Недавно два человека, прочитав его статейки, немедленно вступили в коммунистическую партию. (Пауза.) А Некрасов? Что о нем сообщают?

Перигор. Он как будто в Риме.

Жюль. В Риме? Тогда это пропащее дело. Христианские демократы сами из него все выжмут.

Тавернье. ТАСС дал опровержение: Некрасов отдыхает в Крыму.

Жюль. Почему бы и нет? Пока что о нем лучше не писать.

Телефон.

Фифи. Да. Пусть сейчас же придет! (Жюлю.) Сибило!

Жюль. Наконец-то! Можете идти.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жюль, Сибило, Жорж, в новом костюме с ручным чемоданом.

Жюль. Ты знаешь, как я тебя жду!..

Сибило. Простите, но...

Жюль. Кто этот человек?

Сибило. Человек...

Жюль. Это я вижу.

Сибило. Я расскажу вам потом...

Жюль. Здравствуйте!

Жорж не отвечает.

Он глухой?

Сибило. Он не понимает по-французски.

Жюль (показывая на стул). Садитесь!

Жорж не двигается.

Он и жестов не понимает?

Жорж берет газету с огромным заголовком: «Некрасов исчез».

Но он умеет читать?

Сибило Нет, он просто рассматривает иллюстрации.

Жюль. Ну!

Сибило. Что?

Жюль. Где твоя идея?

Сибило. Ах, идея... (Пауза.) Я в отчаянии!

Жюль. Ты ничего не придумал?

Жорж жестом показывает Сибило, что он должен говорить.

Сибило. Как же, как же, конечно, придумал!

Жюль. Но вид у тебя далеко не победителя...

Сибило. Я и сам знаю...

Та же игра Жоржа.

То есть... Это от скромности.

Жюль. Идея-то по крайней мере хорошая?

Та же игра Жоржа.

Сибило. Очень хорошая.

Жюль. И ты недоволен? Ты оригинал. Чего же ты молчишь? А, понимаю, ты хочешь прибавки. Слушай, если идея хорошая, я тебе прибавлю. Ну, говори!

Сибило (под влиянием немых понуканий Жоржа выпаливает.) Вот она! (Показывает на Жоржа.)

Жюль. Кто она?

Сибило. Он.

Жюль (ничего не понимая). Он – это она?

Сибило. Он – это идея.

Жюль. Твоя идея – это он? Но кто он?

Сибило. Иностранец.

Жюль. Национальность?

Сибило. Советский.

Жюль (разочарованно). А-а...

Сибило. Советский служащий. Он прорвался сквозь железный занавес.

Жюль. Крупный?

Жорж кивает.

Сибило. Да. (В ужасе.) То есть нет! Средний. Очень средний. В общем – мелкий.

Жюль. Так на кой черт ты его привел?

Сибило. Сам не знаю.

Возмущенный жест Жоржа.

Я думал, что он расскажет нам что-нибудь интересное.

Жюль. Расскажет? Что? Какие у них тракторы? Или пылесосы? Я тебе сказал, что я начинаю колоссальную кампанию. А ты приходишь ко мне с такой ерундой! Читатели больше этого не хотят. Надоело! Демидов уверял, что он крупный хозяйственник, ж то больше четырех его статей мы не смогли дать. Даже Бидо уже не приглашает его к обеду. Ну, убежал! Ну, изволил пожаловать к нам! Дай ему тарелку супа и отправь в ночлежку!

Сибило. Правильно, господин редактор! Вы не можете себе представить, как я доволен.

Жюль. Это вся твоя идея?

Сибило. Да.

Жюль. Дурак! Получай расчет.

Сибило. Спасибо, господин редактор. До свидания, господин редактор. (Собирается уйти.)

Жорж (удерживает Сибило). Разрешите...

Жюль. Вы говорите по-французски?

Жорж. Моя мать была француженкой.

Жюль (Сибило). Ты ко всему еще врешь?

Жорж. Я скрыл от него. Это мера предосторожности.

Жюль. По-французски вы говорите хорошо. Но вы меня не интересуете. Я попрошу вас не затруднять меня больше вашим присутствием.

Жорж. С удовольствием. (Сибило.) Идем в редакцию «Франс-суар».

Жюль. «Франс-суар»? Зачем?

Жорж (идет к двери). Вы ведь мне сказали, что очень заняты.

Жюль (преграждая ему дорогу). Я знаю редактора «Франс-суар». Он ничего для вас не сделает.

Жорж. А я ни от кого и не жду помощи. Но, мне кажется, я могу многое сделать для его газеты и для вашей прелестной страны.

Жюль. Вы?

Жорж. Я.

Жюль. Что же вы можете сделать?

Жорж. Я не хочу отнимать у вас время.

Сибило. Он прав, господин редактор. Не стоит слушать его болтовню.

Жюль. Сибило, помолчи. (Жоржу.) У меня есть несколько свободных минут. И я не люблю отпускать человека, не выслушав его.

Жорж. Значит, вы сами просите меня, чтобы я остался?

Жюль. Да.

Жорж лезет под стол и шарит там.

Что вы делаете?

Жорж. Смотрю, нет ли здесь магнитофона. (Вылезает.) Вы не трус?

Жюль. Как будто нет. А что?

Жорж. Если я открою вам все, вы будете в смертельной опасности.

Жюль. В смертельной? Тогда не говорите! Нет, говорите! Говорите скорей!

Жорж. Поглядите на меня! Нет, внимательно! Ну!

Жюль. Что «ну»?

Жорж. Моя фотография была напечатана на первой странице вашей газеты.

Жюль. Разве я могу помнить все фотографии?

Жорж (вынимает из кармана черную повязку и надевает ее на правый глаз). А так?

Жюль. Некрасов!

Сибило в ужасе смотрит на Жоржа.

Жорж. Тише! Если вас услышат, вас могут убить! У вас в редакции семь вооруженных коммунистов!

Жюль. Кто? Кто?

Жорж. Это потом. Непосредственной опасности нет.

Жюль. Некрасов! (Сибило.) И ты мне этого не сказал!

Сибило. Клянусь, что я этого сам не знал! Клянусь!

Жюль. Некрасов!.. Сибило, ты гений! Я тебя обожаю! (Обнимает Сибило.)

Сибило. О боже мой! (Падает в обморок.)

Жорж (смотрит на него с презрением. Жюлю.) Теперь мы можем поговорить с глазу на глаз.

Жюль. Я надеюсь, что мой вопрос вас не обидит...

Жорж. Меня трудно обидеть. В особенности вам. Вы для меня разложившийся буржуазный труп. Можете спрашивать.

Жюль. Какие у вас доказательства, что вы на самом деле Некрасов?

Жорж. Никаких.

Жюль. Никаких?

Жорж. Абсолютно никаких. Можете меня обыскать.

Жюль. Но я...

Жорж. Немедленно обыщите меня!

Жюль. Хорошо, хорошо! (Обыскивает его.)

Жорж. Что вы нашли?

Жюль. Ничего.

Жорж. Вот вам лучшее доказательство. Как поступил бы самозванец? Он бы вам показал советский паспорт, служебное удостоверение, билет московского метро. Но скажите, Палотен. если бы вы были Некрасовым и тайно переходили границу, неужели вы оставили бы в карманах документы?

Жюль. Думаю, что нет...

Жорж. Что и требовалось доказать!

Жюль. Блистательно! (Помрачнев.) Но ведь так первый встречный может выдать себя...

Жорж. Разве я похож на первого встречного?

Жюль. Из Рима сообщают, что вы в Италии...

Жорж. Ничего удивительного! Завтра сообщат, что я в Греции, в Испании, в Западной Германии. Но приведите сюда этих самозванцев, и вы их сразу раскусите. Настоящий Некрасов прожил тридцать пять лет в красном аду. У него глаза человека с того света. Посмотрите мне в глаза! Настоящий Некрасов своими руками растерзал сто восемнадцать человек. Посмотрите на мои руки! Вам страшно?

Жюль. Мне.. (Отступает и чуть не задевает чемодан.)

Жорж. Осторожно! Не трогайте чемодан!

Жюль. Что там?

Жорж. Прежде всего отойдите!

Жюль отскакивает.

Ага, вам страшно! Вы у меня умрете от страха! Вы узнаете, кто такой Некрасов! Страшно, а?

Жюль. Страшно... Слушайте, а вы меня не обманываете? Ведь тогда моей газете крышка.

Телефон.

Жюль. Алло!.. Здравствуйтесь, господин министр!.. Да, конечно. Вы знаете, как

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
я увлечен этой кампанией... Да, да. Я прошу вас: погодите несколько часов... Да. Новости, большие новости!.. Не могу рассказать по телефону. Черт! Бросил трубку...

Жорж (иронически). Вам, видно, очень нужно, чтобы я был настоящим Некрасовым.

Жюль. К сожалению, да...

Жорж. В таком случае я настоящий Некрасов.

Жюль. Как?

Жорж. Послушайте, Жюль! Вы слышали, что вам сказал министр? Если я не Некрасов, то вы больше не Палотен. Скажите, вы Палотен?

Жюль. Да.

Жорж. Тогда я Некрасов.

Сибило (придя в себя). Он врет, господин Палотен!

Жюль (накидывается на Сибило). Дурак! Бездарность! Идиот! Что ты вмешиваешься? Это Некрасов! Он дал мне доказательства.

Сибило. Дал доказательства?

Жюль. Неопровержимые! Убирайся! (Выталкивает Сибило.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жорж, Жюль.

Жорж. За работу.

Жюль. Вы знаете все?

Жорж. Что все?

Жюль. Ну, о Советском Союзе!

Жорж. Все.

Жюль. Это очень страшно?

Жорж. Еще бы!

Жюль. Вы можете мне рассказать?..

Жорж. Я вам ничего не расскажу. Позовите членов правления. Я поставлю вам условия.

Жюль. Но мне-то вы можете рассказать...

Жорж. Ни слова! Позовите их!

Жюль (у телефона). Алло! Здравствуйте, господин председатель! Сюрприз готов. Он вас ждет... Да, да. Вы видите, я выполняю свои обещания. (Кладет трубку.) Он в бешенстве. Старый хрыч!

Жорж. Почему?

Жюль. Он хотел меня выжить из газеты.

Жорж. Как его фамилия?

Жюль. Баран.

Жорж. Хорошо... Запомню...

Жюль. Может быть, вы мне все-таки что-нибудь расскажете, пока они не пришли?

Жорж. Пожалуйста. Я могу изложить во всех деталях знаменитый план «икс»: оккупация Франции в начале третьей мировой войны.

Жюль. Есть такой план?

Жорж. Вы писали о нем в вашей газете еще год назад.

Жюль. Неужели? Ах, да! Но...

Жорж. Разве вы не писали тогда, что план «икс» включает в себя список будущих жертв? Всех, кого они расстреляют? Это абсолютно верно.

Жюль. Они хотят расстрелять французов?

Жорж. Сто тысяч.

Жюль. Сто тысяч?

Жорж. Писали вы это или не писали? Отвечайте!

Жюль. Знаете, часто пишешь не задумываясь. У вас есть этот список?

Жорж. Я запомнил наизусть двадцать тысяч первых имен.

Жюль. Назовите кого-нибудь! Кого они хотят расстрелять? Наверно, всех министров?

Жорж. Об этом я уже не говорю. И всех бывших министров. И вообще всех депутатов.

Жюль. Скажите, вам знакомо имя Пердриера?

Жорж. Пердриера?

Жюль. Он кандидат на предстоящих выборах. Мне хотелось бы, чтобы его имя фигурировало в списке.

Жорж. Пердриер? Конечно! Один из первых.

Жюль. Благодарю вас! А в газетном мире?

Жорж. Уйма.

Жюль. Но... например.

Жорж. Вы.

Жюль. Я? (Бросается к телефону.) Перигор, заголовок на все шесть колонок: «Некрасов в Париже, наш редактор в черном списке!» Забавно? (Бросил трубку.) Расстрелять меня... Ну, знаете, это – хамство!

Жорж. А им что!

Жюль. Послушайте, я редактор влиятельной газеты. Ведь будет же какое-нибудь правительство, когда они займут Париж? Без газеты оно не обойдется...

Жорж. А им что!

Жюль. Расстрелять меня! Хамство!.. Но в общем это не так уж плохо. Это придает мне вес. Я как-то сразу вырос. (У зеркала.) Вот этот человек будет расстрелян. Я смотрю на себя совсем другими глазами. Знаете, что это мне напоминает? День, когда я получил орден Почетного легиона. А члены правления? Они тоже в списке?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Жюль, Жорж, Баран, Нерсья, Лерминье, Шариве, Бержера.

Баран. Дорогой Палотен...

Жюль. Господа, вот мой сюрприз!

Все. Некрасов!

Жюль. Да, Некрасов! Некрасов, который дал мне неопровержимые доказательства, что он Некрасов. Он говорит по-французски, как француз. Он сделает потрясающие разоблачения. Он, например, знает на память имена двадцати тысяч французов, которых большевики поставят к стенке, когда займут Францию.

Голоса. Имена! Скорей имена! Мы в списке? Я в списке? А я? Я?

Жорж. Представьте мне членов правления, и я удовлетворю их любопытство.

Жюль. Конечно, конечно! (Представляет по очереди.) Господин Лерминье.

Лерминье. Очень рад познакомиться.

Жорж. К стенке.

Жюль. Господин Шариве.

Шариве. Очень рад познакомиться.

Жорж. К стенке.

Жюль. Господин Нерсья.

Нерсья. Очень рад познакомиться.

Жорж. К стенке.

Нерсья. Это делает мне честь.

Жюль. Господин Бержера.

Бержера. Очень рад познакомиться.

Жорж. К стенке.

Бержера. Теперь все увидят, что я настоящий француз.

Жюль. А вот наш председатель, господин Баран.

Жорж. Баран?

Жюль. Баран.

Жорж. А!

Баран (подходит к Жоржу). Очень рад познакомиться.

Жорж. Очень рад познакомиться.

Баран. Как?

Жорж. Я сказал: очень рад познакомиться.

Баран (смеясь). Вы оговорились!

Жорж. Нет.

Баран. Вы хотели сказать: к стенке.

Жорж. Я хотел сказать то, что я сказал.

Баран. Баран! Моя фамилия – Баран! Баран – как баран...

Жюль. Б – как Бернар, А – как Альфонс...

Жорж. Вы напрасно стараетесь. Господин Баран не фигурирует в списке.

Баран. Вы, вероятно, забыли.

Жорж. Я ничего не забываю.

Баран. Так почему же они не хотят меня расстрелять?

Жорж. Не знаю.

Баран. Это возмутительно! Я вас не знаю, вы меня оскорбляете и отказываетесь дать объяснения! Я требую!..

Жорж. Я получил черный список из министерства информации. Там не было никаких комментариев.

Нерсья. Дорогой господин Баран!

Баран. Господа, это неуместная шутка!

Жорж. Советский министр никогда не шутит.

Баран. Объясните господину Некрасову, что меня обязательно должны расстрелять. Я председатель четырех акционерных обществ. Всей своей жизнью я доказал... Почему вы молчите?

Общее смущение.

Палотен, вы собираетесь опубликовать этот список?

Жюль. Я поступлю так, как решит правление.

Бержера. Ясно, что нужно опубликовать.

Баран. Тогда вам придется включить мое имя. Читатели не поймут, почему меня обошли. Вас забросают протестами.

Жорж берет шляпу и идет к выходу.

Жюль. Куда вы?

Жорж. В редакцию «Франс-суар».

Нерсья. В редакцию «Франс-суар»? Но...

Жорж. Я никогда не лгу. В этом моя сила. Вы опубликуете мои разоблачения слово в слово, или я передам их другой газете.

Баран. Идите к черту! Мы обойдемся без вас.

Нерсья. Дорогой мой, вы сошли с ума!

Шариве. Это – безумие!..

Бержера (Жоржу). Вы нас простите, ради бога...

Лерминье. Наш председатель – очень нервный человек.

Нерсья. Но мы жаждем правды!

Бержера. Всей правды!

Лерминье. Только правды!

Жюль. И мы напечатаем все, что вы хотите.

Баран. Этот человек – самозванец!

Неодобрительные возгласы.

Жорж. На вашем месте я был бы осторожнее. Кто не включен в список: вы или я?

Баран. Вы позволяете оскорблять вашего председателя?

Шариве. Дорогой господин Баран...

Баран. Прочь! Вы хотите ошарашить старых баб вздорными сенсациями, повысить тираж, и вы приносите в жертву золотому тельцу двадцать лет дружбы! Я вам докажу, что этот субъект – жулик, самозванец! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Барана, потом Фифи.

Все. Ах! Ах! Ах!

Жорж. Господа, вы еще не то увидите.

Нерсья. Мы ждем.

Бержера. Рассказывайте! Скорей рассказывайте!

Жорж. Минуточку. Я хочу вам кое-что объяснить и поставить некоторые условия.

Лерминье. Мы вас слушаем.

Жорж. Прежде всего, во избежание недоразумений, я хочу сказать вам, что я вас презираю.

Нерсья. Естественно.

Бержера. Мы бы удивились, если бы это было иначе.

Жорж. В моих глазах вы презренные подонки капитализма.

Шариве. Браво!

Жорж. Хотя я и убежал из Советского Союза, я вас ненавижу. Вы для меня шакалы и гидры.

Лерминье. Это делает вам честь.

Нерсья. И мы вам очень признательны за вашу откровенность.

Жорж. Я убежден, что через сто лет социализм восторжествует.

Нерсья. Что касается меня, я всегда считал, что мы идем к социализму. Но нужно идти медленно, на тормозах.

Бержера. Главное – пока что уничтожить Советский Союз.

Жорж. Я вам помогу его уничтожить. Но в глубине души я остаюсь вашим заклятым врагом.

Все. Браво, браво!

Фифи приносит шампанское.

Нерсья (поднимая бокал). За здоровье нашего дорогого врага!

Жорж. За ваше здоровье!

Чокаются, пьют.

Теперь мои условия. Для себя я не хочу ничего.

Лерминье. Ничего?

Жорж. Ничего. Квартиру на Елисейских полях, двух телохранителей, приличный гардероб и карманные деньги.

Нерсья. Принято!

Жорж. Свои мемуары и разоблачения я буду диктовать опытному журналисту.

Жюль. Хотите Редерера или Картье?

Жорж. Я хочу Сибило.

Жюль. Пожалуйста!

Жорж. Кстати, ему надо прибавить. Сколько он получает?

Жюль. Семьдесят.

Жорж. Эксплуататоры! Вы утроите его оклад.

Жюль. Я вам обещаю.

Жорж. Теперь за работу!

Жюль. А семь вооруженных коммунистов?

Жорж. Каких коммунистов?

Жюль. Которые засели в нашей газете.

Жорж. А-а... Да...

Нерсья. В редакции есть коммунисты?

Жюль. Семь. Вы ведь назвали эту цифру?

Жорж. Да.

Нерсья. Невероятно! Как они пролезли?

Лерминье. У них есть оружие?

Жорж. Ничего особенного: ручные гранаты, взрывчатка, револьверы. Под половицами несколько автоматов.

Нерсья. Но это опасно!

Жорж. Нет, сейчас это не опасно. Вернемся к главному.

Бержера. Но это и есть главное!

Нерсья. Ваш долг – не допустить покушения на членов правления.

Жорж. Они не собираются вас убивать.

Нерсья. Тогда зачем им оружие?

Жорж. Это вы узнаете потом.

Жюль. Во всяком случае, надо произвести чистку. Господин Некрасов назовет нам их имена.

Лерминье. Еще бы!

Бержера. Негодяи!

Лерминье. Вы их немедленно выкинете.

Жюль. А если они начнут стрелять?

Бержера. Вызовите полицию! Броневик с полицейскими!

Шариве. Они живо присмирят.

Лерминье. Во всяком случае, надо сообщить их адреса министру внутренних дел.

Нерсья. Палотен, позвоните во все редакции, чтобы их никто не брал на работу.

Шариве. Пусть сдохнут с голоду!

Нерсья. Вы не боитесь, что они бросят в нас бомбы, чтобы отомстить?

Шариве. Нужно вызвать войска!

Нерсья. Ну, мы вас слушаем, дорогой господин Некрасов. Имена!

Жорж. Боюсь, что я забыл их имена...

Жюль. Фифи! Дайте список сотрудников!

Фифи подает.

Это освежит вашу память. Помечайте! Ну!

Жорж (за столом над списком. У него вырывается). Я не доносчик...

Лерминье. Простите?

Жорж. Я хочу сказать...

Бержера (подозрительно). Вы отказываетесь назвать их имена?

Жорж. Я назову тысячи имен. Вы рассуждаете как дети. Вы хотите вспугнуть дичь. Коммунисты повсюду. Может быть, даже, среди вас.

Лерминье. Баран!

Жорж. Я этого не сказал, но возможно. Посмотрите лучше на этот чемодан. (Ставит чемодан на стол.) Что в нем особенного?

Жюль. Ничего.

Жорж. Простите, в нем есть одна достопримечательность: он похож на все другие чемоданы как две капли воды.

Нерсья. Да, я сказал бы, что он сделан во Франции.

Жорж. Простите, он сделан не во Франции. Но вы можете купить точно такой же чемодан в любом парижском универмаге. За три с половиной тысячи франков.

Лерминье. О!

Бержера. Это ужасно!

Жорж. Посмотрите. Безобидная вещь. Настолько безобидная, что она становится невольно подозрительной. (Пауза.) Знаете, что в нем? Семь кило радиоактивного порошка. В каждом из ваших больших городов имеется доверенное лицо с таким чемоданом. Иногда это налоговый инспектор, иногда учитель танцев, иногда трубочист, иногда старая дева с кошками и канарейками. Чемодан на чердаке, среди других чемоданов. Кому вздумается искать его там? Но в условленный день зашифрованная телеграмма предупредит всех доверенных лиц, и сразу раскроются все чемоданы. Вы догадываетесь, что произойдет? Сто тысяч жертв каждые сутки!

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
Все (терроризованы). А!

Жорж. Посмотрите. (Хочет открыть чемодан.)

Бержера (кричит). Не открывайте!

Жорж. Не бойтесь. Этот пустой. Подойдите. Посмотрите. Вот замок, вот ремни, вот ручка.

Все подходят и боязливо щупают чемодан.

Бержера. Действительно...

Лерминье. Замок, ремни, ручка... Какой кошмар!

Нерсья. Мерзавцы! Негодяи!

Бержера. Как я их ненавижу!

Лерминье. Неужели мы все подохнем, как крысы! Что же делать?

Жорж. Нужно изготовить детекторы особого типа. У нас есть еще несколько месяцев. Теперь вы понимаете, – что с ними нелегко справиться? Если вы рассчитаете семь ваших сотрудников, они насторожатся.

Шариве. Все-таки назовите их имена.

Лерминье. Мы вам обещаем, что не тронем их.

Бержера. Мы должны знать, с кем имеем дело.

Жорж. Хорошо. Но вы будете действовать по моим указаниям. Я знаю, как их обезвредить.

Бержера. Как?

Жорж. Прибавьте им жалованье. Говорите повсюду, что вы ими очень довольны.

Бержера. Вы думаете, их можно подкупить?

Жорж. Нет. Доверенные лица неподкупны. Но вы их этим скомпрометируете. (Садится за стол и отмечает семь имен. Протягивает список Жюлю.)

Все склоняются над списком.

Жюль. Самивель? Невероятно!

Бержера. Госпожа Кастанье? Кто бы мог подумать!

Жорж (прерывает их властным жестом). Это все мелочь. Я вам раскрою глаза. Вы увидите мир таким, как он есть. Вы будете остерегаться ваших детей, ваших жен, ваших родителей. Увидев себя в зеркале, вы спросите себя: может быть, я тоже подсознательный коммунист? Тогда, только тогда истина приоткроется перед вами! (Садится и приглашает их сесть.) Теперь, господа, за работу! У нас мало времени, а мы должны спасти Францию.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Роскошная гостиная. Шторы опущены. Три двери: налево – в спальню, в середине – в ванную, направо – в прихожую. Везде корзины и букеты цветов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Посыльный вносит корзину роз. Оба телохранителя идут рядом с ним с направленными на него револьверами. Он ставит корзину у стены и выходит, пятясь, подняв руки вверх. Левая дверь открывается, входит Жорж, в халате, зевая.

Жорж. Что это?

Телохранитель. Цветы.

Жорж. Опять розы? Откройте окно!

Телохранитель. Нельзя.

Жорж. Почему?

Телохранитель. Опасно.

Жорж (достаёт листок из конверта, прикрепленного к розам, и читает). «Мы вами восторгаемся, мы вас обожаем. Ваши почитательницы». Мной восторгаются, а?

Телохранитель. И обожают.

Жорж. А ты знаешь, почему они меня обожают? От страха и ненависти. Это ядовитые цветы.

Телохранитель. Ядовитые?

Жорж. Да.

Телохранитель (второму). Позвони сейчас же в токсикологическую лабораторию: 66-21...

Жорж. Слишком поздно! Здесь все отравлено ненавистью.

Телохранитель (удивленно). Ненавистью?

Жорж. Да. Но, если ты хочешь дергать веревочки, не приходится ничем гнущаться. Они теперь все в моих руках. Они все пляшут под мою дудку. Да здравствует ненависть! Ей я обязан своей властью. Не смотрите на меня так! Я поэт! Что вам поручено: понимать меня или охранять?

Телохранитель. Охранять.

Жорж. Ну и охраняйте! который час?

Телохранитель. Семнадцать тридцать.

Жорж. Расписание дня?

Телохранитель. Семнадцать сорок – Сибило. Работа над мемуарами.

Жорж. Потом?

Телохранитель. Восемнадцать тридцать – журналистка из «Фигаро».

Жорж. Хорошенько обыщите. Никогда нельзя знать... Потом?

Телохранитель. Бал.

Жорж. У кого?

Телохранитель. У госпожи Бунуми.

Жорж. По какому доводу?

Телохранитель. Ее конкурент Пердриер снял свою кандидатуру. В честь этого события.

Жорж. Значит, в мою честь. Это моя работа. Можете быть свободны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жорж один, закрывает дверь, зевает.

Жорж (подходит к зеркалу). Плохой сон. Обложенный язык. Полное отсутствие аппетита. Слишком много банкетов! И потом все время взаперти.

Телефон.

Алло!.. Он самый... Подлец? Вы меня принимаете за подлца?.. Вы тридцать седьмой сегодня с таким оригинальным определением. Можете быть уверены, что я теперь осведомлен о вашем отношении и... Повесил трубку! Они называют меня подлцом, изменником. Но кто изменник? Не я. Не Жорж де Валера. Я никогда не был коммунистом и никого не предаю. (У зеркала.) Сейчас мемуары. Надо настроиться. (Декламируя.) Я вспоминаю свое детство, расписные сани, тройку лошадей, мой отец рядом, звенят, звенят бубенцы, метель, метель...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жорж, Сибило.

Сибило (вошел перед тем и слушал). Что ты делаешь?

Жорж. Упражняюсь.

Сибило. В чем?

Жорж. Вру самому себе.

Сибило. Самому себе – тоже?

Жорж. Прежде всего – самому себе. Сибило, я умираю! Ты видишь – я в агонии...

Сибило. Не понимаю...

Жорж. Умирает Жорж де Валера и рождается Некрасов.

Сибило. Ты – не Некрасов.

Жорж. Некрасов с головы до ног. Я родился Некрасовым.

Сибило. Ты мошенник с головы до ног. Если я не вмешаюсь, ты погибнешь и погубишь меня.

Жорж. Ты мне надоел с твоей дурацкой честностью. Мы оба свернем себе на ней шею. Что ты еще придумал?

Сибило. Я решил разоблачить тебя и себя.

Жорж. Что ты сказал?

Сибило. Я это сегодня решил и пришел тебя предупредить. Завтра в одиннадцать утра я брошусь на колени перед редактором и сознаюсь во всем. У тебя есть время удрать.

Жорж. Ты сошел с ума! Пердриер снял свою кандидатуру. «Суар-а-Пари» удвоил свой тираж. Ты получаешь двести десять в месяц. И ты еще собираешься каяться?

Сибило. Да!

Жорж. Подумай! Я теперь всемогущ! Кто стоит за кулисами Атлантического пакта? Я. В моих руках судьбы войны и мира. Сибило, я творю историю. А ты

Сартр Жан-Поль Только правда filosoff.org
собираешься подставить мне ножку. Всю мою жизнь я мечтал о такой власти.
Болван! Пользуйся моей славой.

Сибило идет к двери.

Куда ты?

Сибило. Я хочу во всем признаться.

Жорж. Ты очумел от страха! Чего ты боишься?

Сибило. Баран тебя съест, а заодно и меня. Он разыскал Демидова. Демидов – это настоящий перебежчик, не как ты. Они тебя ищут. Если они тебя найдут – а они тебя обязательно найдут, – Демидов сразу поймет, что ты француз. Тогда нам крышка.

Жорж. Глупости! Приведи сюда твоего Демидова, и я его обработаю в два счета. Это все, чего ты испугался?

Сибило. Нет. Есть вещь пострашнее...

Жорж. Ну, говори! Меня это начинает забавлять.

Сибило. Корреспонденты передают из Москвы, что Некрасов...

Жорж. Какой Некрасов? Некрасов – это я.

Сибило. Я не о тебе говорю. Я тебе говорю о Некрасове.

Жорж. Некрасов – это я.

Сибило. Я тебе говорю о том Некрасове, который в Крыму.

Жорж. Сибило, ты – француз. Какое тебе дело до того, что происходит в Крыму?

Сибило. Но я тебе говорю, что он возвращается в Москву.

Жорж. И что же?

Сибило. То есть как «что же»? Нам крышка.

Жорж. Нам крышка? Потому что какой-то большевик едет из Крыма в Москву? Слушай, Сибило, ты чемпион антикоммунизма, и ты им веришь? Меня такие штуки не трогают.

Сибило. Посмотрим, что ты скажешь в пятницу, когда все послы, все иностранные корреспонденты увидят в Большом театре Некрасова.

Жорж (озабоченно). Почему в пятницу?

Сибило. Так сообщают иностранные корреспонденты.

Жорж. В таком случае они увидят моего двойника. Нечего удивляться. У нас у всех двойники. В театр, например, ходят только двойники. Запиши, это пойдет в завтрашний номер. И прибавь живую деталь – эту подробность выдумать нельзя, – мой двойник так похож на меня, что нас можно спутать даже в двух шагах. Когда его впервые привели ко мне, я сразу заметил, что у него один стеклянный глаз. Можешь представить мое положение! Я должен был выдумать на месте, что у меня болезнь правого глаза. Вот почему я в черной повязке. Дашь заголовок: «У Некрасова одноглазый двойник, поэтому он носит черную повязку». Записал?

Сибило (записывая). Все это ни к чему.

Жорж. Пиши! В конце статьи ты бросишь им перчатку! Московский Некрасов – самозванец. Пускай он перед иностранными журналистами снимет с глаза повязку. Что касается меня, я готов снять повязку перед всеми окулистами мира, и они увидят, что у меня два глаза, а у того – только один. Это – самое лучшее доказательство, что этот человек – не я. Записал?

Сартр Жан-Поль Только правда filosoff.org
Сибило. Записал. Но я тебе говорю: это ни к чему

Жорж. Почему же?

Сибило. Потому что я решил покаяться. Я честный человек, пойми это! А теперь я лгу. Лгу читателям, лгу редактору, лгу собственной дочери.

Жорж. Можно подумать, что ты не лгал до нашего знакомства.

Сибило. Тогда я лгал с ведома моего начальства. Все, что я писал, контролировалось, визировалось. Это была ложь в общественных интересах.

Жорж. А теперь? Это тоже в общественных интересах. Не вижу никакой разницы.

Сибило. Теперь я действую на свой страх и риск. У меня нет гарантии правительства. Я один на свете знаю, кто ты. Я не могу этого вынести! Я согласен лгать сколько угодно. Но я не могу лгать в одиночку, самостоятельно.

Жорж. Ну что же, иди! Чего ты ждешь? Беги! Падай на колени! Кайся! Меня одно занимает: что ты скажешь редактору?

Сибило. Я ему скажу, что ты не настоящий Некрасов.

Жорж. Я не понимаю, что значит «настоящий». Ты настоящий Сибило?

Сибило. Да, я – Сибило, несчастный Сибило! А ты позоришь мой седины!

Жорж. Докажи, что ты Сибило...

Сибило. У меня документы!

Жорж. У меня тоже.

Сибило. Но у меня настоящие документы!..

Жорж. У меня тоже. Хочешь взглянуть на удостоверение префектуры?

Сибило. Твое удостоверение ничего не стоит.

Жорж. Почему?

Сибило. Потому что ты не Некрасов.

Жорж. А твои документы?

Сибило. Мои настоящие.

Жорж. Почему?

Сибило. Потому что я Сибило!

Жорж. Вот видишь: документы ровно ничего не доказывают.

Сибило. Конечно, дело не в документах.

Жорж. Тогда докажи, что ты Сибило.

Сибило. Это все тебе скажут.

Жорж. Все? То есть конкретно – сколько человек?

Сибило. Сто, двести, не знаю, может быть, тысяча...

Жорж. Тысяча человек принимают тебя за Сибило, и ты хочешь, чтобы я им верил. А два миллиона читателей принимают меня за Некрасова.

Сибило. Это не одно и то же!

Жорж. Может быть, ты хочешь заглушить голос общественного мнения, которое видит во мне чемпиона западного мира? Хорошо! Беги! Кайся! Чего ты хочешь?

Сартр Жан-Поль Только правда filosoff.org
Чтобы твоя газета лопнула, чтобы правительство ушло в отставку? Может быть, ты работаешь на коммунистов?

Сибило. Как ты можешь такое говорить, Жорж!

Жорж. Я встречал немало тайных коммунистов...

Сибило. Я тебе клянусь!..

Жорж. Почему я должен тебе верить? Ты сам мне признался, что ты не честен.

Сибило. Ты должен мне верить, Жорж! Я честный бесчестный человек.

Жорж. Ты сумасшедший! Вот телеграмма, прочитай! Это от Маккарти. Он предлагает мне выехать в Америку и стать постоянным сотрудником комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Вот поздравление от генерала из Мадрида – от самого... А это от Юнайтед Фрут компани. В Нью-Йорке после моих разоблачений на бирже поднялись все ценности. Повсюду бум военной промышленности. Идет крупная игра. Некрасов – это не только я, это дивиденды всех монополий. Это – настоящее большое дело. Ты сам пустил машину в ход. Если ты попробуешь ее остановить, она тебя раздавит.

Сибило. Скажи, можно меня вылечить?

Жорж. От сумасшествия?

Сибило. Да.

Жорж. Боюсь, что слишком поздно. Но попытаюсь. Конечно, я не психиатр. Но ты нуждаешься в перевоспитании. Сядь. Придай своему лицу выражение порядочности. Посмотри на меня глазами миллионов наших читателей. Кто перед тобой?

Сибило. Некрасов!

Жорж. Я сейчас выйду из комнаты и через секунду вернусь. Постарайся быть искренним. Когда я открою дверь, ты мне скажешь: «Здравствуй, Некрасов». (Выходит.)

Сибило усаживается, пьет, курит. Жорж возвращается.

Сибило. Здравствуй, Некрасов.

Жорж. Здравствуй, старик Сибило.

Сибило. Я правильно сказал?

Жорж (обошел кресло, в котором сидит Сибило, закрывает ему глаза руками). Ку-ку!..

Сибило. Перестань смеяться надо мной... Некрасов!

Жорж. Очень хорошо! Теперь за работу! Глава восьмая. «Трагический вызов в Кремль».

Телефон.

Алло!.. да... Госпожа Кастанье? Подождите минутку. (Сибило.) Ты не знаешь, кто это?

Сибило. Машинистка из «Суар-а-Пари».

Жорж. А-а! Одна из семи. Их хотели выгнать, но я добился, чтобы им прибавили жалованье.

Сибило. Наверно, ее прислал редактор.

Жорж (в трубку). Просите. (Положив трубку.) «Трагический вызов в Кремль». Подзаголовок: «Мне удалось убежать в карете Екатерины Великой».

Сибило. Послушай, Жорж, прости – некрасов, – как же это могло быть?

Жорж. Очень просто. Меня преследуют, я забираюсь в музей, там много старинных карет, я прячусь в одну и потом...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, телохранитель, потом г-жа Кастанье.

Телохранитель. Госпожа Кастанье. (Уходит.)

Сибило (идет ей навстречу). Здравствуйте, госпожа Кастанье.

Кастанье. Здравствуйте, господин Сибило! Не думала, что застану вас здесь. (Показывая на Жоржа.) Это он Некрасов?

Сибило. Да, это наш дорогой Некрасов.

Жорж. Здравствуйте, госпожа Кастанье!

Кастанье. Я хотела бы знать, почему вы потребовали моего увольнения.

Жорж. Как?

Сибило. Вас уволили?

Кастанье (Жоржу). Не прикидывайтесь, вы это прекрасно знаете!

Жорж. Я вас уверяю...

Кастанье Господин Палотен меня вызвал час назад. Были все члены правления.

Жорж. И что же?

Кастанье. Они меня уволили.

Жорж. Но почему?

Кастанье. Когда я их спросила, я думала, они разорвут меня на куски. Они кричали: спросите у Некрасова! Некрасов вам объяснит! Жорж. Подлецы!

Кастанье. Если вы меня оговорили, вы не лучше их.

Жорж. Но я ничего не говорил. Я вас даже не знаю!

Кастанье. Они мне сказали, чтобы я обратилась к вам. Значит, вы что-то знаете.

Жорж. Но разве мы с вами встречались?

Кастанье. Никогда.

Жорж. Вы сами видите!

Кастанье. Я вдова. У меня больная дочь. Мы буквально выброшены на улицу.

Жорж (Сибило). Подлецы!

Кастанье. За что вы меня преследуете?

Жорж. Наоборот! Сибило может подтвердить: я хотел, чтобы вам повысили жалованье.

Кастанье. Повысили жалованье? Мне?

Жорж. Да.

Кастанье. Вы лжете! Ведь вы мне сами только что сказали, что вы меня не знаете.

Жорж. Я вас немного знаю. Я знаю, что вы честно работаете в газете двадцать лет.

Кастанье. Я работаю на этом месте только пять лет.

Жорж. Хорошо. Я вам все откровенно скажу. Важные политические мотивы...

Кастанье. Я никогда не занималась политикой.

Жорж. Скажите, а другие? Они еще кого-нибудь уволили?

Кастанье. Да, так говорили.

Жорж. Кого? Сколько?

Кастанье. Не знаю.

Жорж (Сибилу). Ты видишь, эти шакалы их всех уволили! Ах, подлецы! Я пойду с вами, госпожа Кастанье. Я никогда не обижал простых людей. Я не отстану от Палотена! (Бросается к выходной двери.)

На пороге вырастает телохранитель.

Телохранитель. Нельзя!

Жорж. Что значит «нельзя»? Я хочу выйти.

Телохранитель. Нельзя. Опасно.

Жорж. Но вы будете меня сопровождать.

Телохранитель. Запрещено.

Жорж. А если я не послушаюсь?

Телохранитель (с легкой издевкой). Ого!

Жорж. Хорошо. (Захлопывает за ним дверь.) Сибилу, пойди с госпожой Кастанье к редактору и скажи ему, что я не бросаю слов на ветер. Если уволенные сотрудники в двадцать четыре часа не будут восстановлены, я отдам продолжение своих мемуаров в «Фигаро». Госпожа Кастанье, может быть, я невольно причинил вам зло, но я клянусь, что все убытки будут вам возмещены.

Сибилу и Кастанье идут к выходу.

Ты со мной не прощаешься, Сибилу?

Сибилу. До свидания.

Жорж. С кем ты прощаешься?

Сибилу. До свидания, Некрасов!

Жорж. До свидания, Сибилу. Позвони мне, как только найдешь Палотена.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жорж один, потом телохранитель.

Жорж. Уволили!.. (Ходит по комнате.) Это не моя вина. Сколько в них ненависти! Я ими управляю, но я не знаю их. Придется их изучить... Уволили!.. Я озолочу эту Кастанье! Все члены правления выйдут к ней навстречу с букетами роз!

Телохранитель (войдя). Журналистка из «Фигаро».

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
Жорж. Пропусти! Стой! Она хорошенькая?

Телохранитель. Ничего себе.

Жорж (подходит к зеркалу, надевает черную повязку, смотрит, снимает ее). Пропусти.

Телохранитель уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жорж, Вероника.

Жорж (увидев Веронику, поднимает руки вверх). А-а!..

Вероника. Я вижу, вы меня узнали.

Жорж. Вы теперь работаете в «Фигаро»? А я считал, что вы – левая.

Вероника. Все меняется... Где Некрасов?

Жорж. Он... он вышел.

Вероника. Я его подожду. (Садится.) Вы его тоже ждете?

Жорж. Я! Нет.

Вероника. Что же вы здесь делаете?

Жорж. Я вообще никогда ничего не делаю... Кажется, Некрасов сегодня не вернется ночевать. Лучше приходите завтра.

Вероника. Хорошо.

Жорж вздыхает с облегчением.

(Вынимает из сумки блокнот. Чуть насмешливо.) Поскольку я на вас напала, может быть, вы мне расскажете немного о нем.

Жорж. Я о нем ровно ничего не знаю.

Вероника. Странно! Вы здесь как дома. Ясно, что вы с ним близки.

Жорж (растерянно). В общем это довольно логично... (Пауза.) Я его двоюродный брат.

Вероника. А-а!..

Жорж. Моя тетка осталась в России. Некрасов – это ее сын. Я случайно подобрал на улице газету и вдруг увидел, что он в Париже.

Вероника. Как трогательно! Наверно, вы вспомнили всех родственников, расчувствовались...

Жорж. Конечно. Он предложил мне стать его личным секретарем.

Вероника. Секретарем? Забавно!

Жорж. Но я секретарь только для вида. Через две недели я сбегу с набитыми карманами.

Вероника. Пока что вы помогаете ему в его поганых занятиях.

Жорж. «Поганые занятия!» Послушай, а ты ведь выдумала, что ты из «Фигаро».

Вероника. Конечно, выдумала.

Жорж. Тебя послала твоя прогрессивная газетёнка.

Вероника. Нет. Меня никто не посылал. Расскажите мне о нем. Он вас сразу очаровал, не правда ли?

Жорж. Немножко.

Вероника. Этот мерзавец!

Жорж. Зачем вы так говорите?

Вероника. Вы его защищаете?

Жорж. Нет. Но мне не нравится, когда ты употребляешь такие слова.

Вероника. По-вашему, это не мерзавец?

Жорж. Может быть. Но ты не имеешь права осуждать человека, которого ты не знаешь.

Вероника. Я его знаю.

Жорж. Ты его знаешь?

Вероника. Конечно! Это вы!

Жорж (повторяет машинально). Ах, да, это я... (Вскакивает.) Нет, это не я! Это не я, не я!

Вероника улыбается.

С чего ты взяла?

Вероника. Отец...

Жорж. Это он тебе сказал?

Вероника. Нет.

Жорж. Тогда откуда ты знаешь?

Вероника. Отец умеет лгать, когда пишет, но дома...

Жорж. Твой отец выжил из ума! (Ходит по комнате.) Слушай! Я тебе доставлю удовольствие. Предположим на минуту, что я Некрасов. Что ты тогда сделаешь? Разоблачишь меня в твоей газетёнке?

Вероника. К сожалению, если мы напишем, кто вы в действительности, нам не поверят.

Жорж. Значит, ты признаешь свое бессилие.

Вероника. Да. Пока что мы бессильны. Но...

Жорж. Откровенность за откровенность. Некрасов – это я. Помнишь жалкого босяка, который забрался в вашу квартиру? Какой путь проделан! Головокружительный прыжок. (Смотрит на нее.) Зачем ты пришла?

Вероника. Я хотела вам сказать, что вы мерзавец.

Жорж. Брось! Ты начинаешь меня раздражать! Будь я советским, я был бы действительно сверхмерзавцем. Но я никогда не был министром. Я никогда не был коммунистом. Я просто гениальный мошенник. Вчера я продавал фальшивые ценности, сегодня я продаю фальшивые сведения о России. В чем разница? Ты не очень любишь богатых. Разве уж такой грех водить их за нос?

Вероника. Вы действительно считаете, что вы водите за нос богатых?

Жорж. А кто заплатил моему портному, кто оплачивает это помещение, кто преподнес мне автомобиль?

Вероника. Вы не задумались над тем, почему они вам платят?

Жорж. Потому что я продаю им мои небылицы.

Вероника. Но почему они их покупают?

Жорж. Потому что... В общем, это их дело.

Вероника. Они их покупают, чтобы обмануть бедных. Может быть, вы скажете, что «Суар-а-Пари» читают миллионеры? Посмотрите, что вы пишете. (Вынимает газету из сумки и читает.) «...Нельзя опрокинуть капиталистический строй, иначе вам грозит участь дикарей... В буржуазном обществе есть свои недостатки, но все же это самый лучший режим... Благодарите бога, что вы не родились в СССР...»

Жорж. Этому никто не поверит! Читатели не так глупы.

Вероника. К счастью! Если бы они поверили, им оставалось бы только запить или повеситься. (Вне себя.) Но даже если тебе поверит один из тысячи, ты настоящий убийца. Ты думаешь, что ты ворует деньги у богатых, а ты их отрабатываешь.

Жорж. Неправда!

Вероника. Ты мне говорил, когда прибежал в наш дом, что ты не хочешь работать. Они тебя запрягли.

Жорж пробует возразить.

Ты думаешь, что ты всех надуваешь, на этот раз тебя надули.

Жорж. Вздор! Они в моей власти. Я их всех дергаю за ниточки.

Вероника. Ты? Нет, это ты марионетка в их руках. Ты был просто мошенником, они из тебя делают злодея.

Жорж. Злодея? Я никому не причиняю зла.

Вероника. А это?

Жорж (читает). «Господин Некрасов заявил, что он хорошо знает Робера Дюваля и Шарля Мэтра». Никогда я этого не заявлял.

Вероника. Не заявлял?.. У меня оставалась маленькая надежда, что на такую подлость ты все-таки неспособен.

Жорж. Робер Дюваль, Шарль Мэтр... Я никогда не слышал этих имен. Я не знаю, кто это.

Вероника. Это журналисты. Они работают в нашей газете. Они выступали против вооружения Германии.

Жорж. Ну и что же?..

Вероника. После этого сообщения (показывает на газету) их привлекут к суду. Военный трибунал. Обвинение в измене. Тебя заставят быть свидетелем обвинения.

Жорж. Они не вырвут у меня ни одного слова! Это настроил какой-нибудь мелкий журналист. Ему намылят голову. Я через час увижу Палотена и прикажу ему дать опровержение.

Вероника (с сомнением). Попробуй...

Жорж. Ты за этим пришла?

Вероника. Да. До свидания. (Уходит, не подав ему руки.)

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Небольшой салон, примыкающий к большому залу и служащий буфетом. Слева полуоткрытое окно, за ним – ночь. В глубине широкая, настежь распахнутая дверь в зал. Между окном и дверью расставлены большие столы, накрытые белыми скатертями. Тарелки с пирожными и сэндвичами. Напитки. За дверью видно, как проходят гости; в зале толпа. Одни проходят за дверью, не заходя в салон, другие входят и направляются к буфету. Справа закрытая дверь. Мебели мало: ее вынесли, чтобы было больше места.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Госпожа Бунуми, Бодуэн, Шапюи, гости.

Бодуэн (останавливает госпожу Бунуми, и представляет ей Шапюи). Шапюи.

Шапюи (представляет Бодуэна). Бодуэн.

Оба вынимают свои удостоверения и предъявляют их.

Бодуэн и Шапюи (вместе). Политическая полиция...

Бодуэн. Особое распоряжение министра...

Шапюи. ... опекать Некрасова.

Бодуэн. Он приехал?

Бунуми. Нет еще.

Шапюи. Нехорошо, если он придет с парадного хода. Это неосторожно.

Бодуэн. Если вы разрешите...

Шапюи. ...мы примем все меры...

Бодуэн. ...черным ходом...

Шапюи (показывая). Через эту дверь.

Бодуэн Так будет спокойнее ..

Бунуми. Но почему столько предосторожностей?

Шапюи (доверительно). Не исключена возможность покушения

Бунуми (потрясена). О!..

Бодуэн. Не волнуйтесь, госпожа Бунуми. Мы на посту.

Шапюи. Мы на посту.

Они исчезают. Входят гости.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бунуми, Пердриер, Жюль, Нерсья, Перигор, гости, фотографы.

Нерсья (обнимая Пердриера). Как хорошо, что вы с нами, дорогой Пердриер! Господа, я пью за вновь обретенного нами Пердриера!

Все. За Пердриера!

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
Пердриер. Милостивые государи и милостивые государыни! Я был старым ослом.
Я пью за здоровье человека, который раскрыл мне глаза.

Жюль (улыбаясь). Благодарю вас, господин Пердриер.

Пердриер (не слушая Жюля). За Некрасова!

Все. За Некрасова!

Жюль (обиженно). За Некрасова?.. А кто его сделал?

Пердриер. Я прошу о снисхождении. Простите мне мою слепоту, мое глупое упрямство, мое... (Рыдает.)

Бунуми. Дорогой Пердриер...

Пердриер. Нет, нет, я хочу покаяться!

Бунуми. Забудем прошлое... Поцелуйте меня.

Целуются.

Жюль (фотографам). Фотографы!

Пердриер поднимает бокал, Жюль хватает его за руку, вино разливается.

Перигор. Новая идея?

Жюль. Да. Записывайте все, что я скажу. (Всем.) Дорогие друзья! Мы все, и в первую очередь наш славный Пердриер, в черном списке. Все мы будущие жертвы. Я предлагаю превратить этот вечер в историческое событие. Я предлагаю организовать клуб «Б. Ж.».

Все. Что это значит? «Б. Ж.»... что это такое?

Жюль. Будущие жертвы. Бе же.

Все. Bravo! Да здравствуют «Б. Ж.»!

Жюль. Мы сегодня же выберем временное правление, и оно выработает устав. В председатели я предлагаю себя.

Аплодисменты.

(Перигору.) Дай это завтра на первой странице. С моим портретом.

Появляется Баран.

Что такое? Баран? (Подбегает к Нерсья и Бунуми.) Вы видели, что Баран здесь?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Демидов, которого Баран не отпускает от себя.

Бунуми. Боже мой!

Нерсья. Кто его пригласил?

Бунуми. Не я. Кто с ним?

Жюль. Демидов.

Нерсья. Неслыханная наглость!

Бунуми. Какой ужас! Они готовят покушение!

Нерсья. Простите?

Бунуми. Возможность покушения не исключена...

Нерсья. Они пришли, чтобы..

Бунуми. Ах, я ничего не знаю! Но здесь два инспектора полиции. Надо их сейчас же предупредить.

Во время этого диалога Баран, не отпуская Демидова, подходит к гостям. Каждому из них он улыбается или протягивает руку. Но все поворачиваются к нему спиной. Он отвешивает поклон госпоже Бунуми.

Баран. Госпожа Бунуми...

Бунуми. Нет, господин Баран, нет! Мы обреченные. Мы будущие жертвы. Мы вам желаем благополучно здравствовать, но здороваться с вами мы не хотим. (Уходит.)

Гости (выходя из салона). Да здравствует «Б. Ж.»! Долой будущих палачей!

Выходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Баран, Демидов.

Демидов (идет к буфету и накидывается на еду и питье). Пока что перекусим.

Баран. Нельзя сказать, чтобы они нас любезно приняли.

Демидов (с набитым ртом). Я к этому привык. А почему они не хотят с вами разговаривать?..

Баран. Это ужасное недоразумение... Простите, я снова забыл, как вас надо называть...

Демидов (не прекращая есть и пить). Федор Петрович.

Баран. Федор Петрович, этот список выдуман?

Демидов. Какой список?

Баран. Будущих жертв.

Демидов. Я вам говорил, что моя специальность – экономика. Захват большевиками всей мировой нефти.

Баран. Но, как крупный советский специалист, вы должны были знать...

Демидов. Я вам не говорю, что я не знаю. Я мог бы сам написать об этом списке. Но пятой моей статьи вы не хотели напечатать. Вы меня выбросили, как выжатый лимон.

Баран. Это самозванец. Он все выдумал. Вы, конечно, встречали настоящего Некрасова?..

Демидов. Я знаю всех министров, они все со мной советовались.

Баран. Вы должны его разоблачить. Ведь если этот список настоящий и меня в нем нет, – значит, я на них работаю.

Демидов. Все возможно. Вы все хотите договориться с большевиками. Вы должны были меня носить на руках. А что вы со мной сделали? Валяюсь в конуре. Я больше никому здесь не верю.

Баран. Значит, и вы меня подозреваете? Федор Петрович, посмотрите на меня. Разве я похож на коммуниста?

Демидов. А почему нет?

Баран. Я больше ничего не понимаю. Мне кажется, что я схожу с ума! Федор Петрович, я вас умоляю, докажите, что я не коммунист!

Демидов. Как вы хотите, чтобы я это доказал?

Баран. Разоблачите этого человека. Откройте всем глаза. Скажите миру правду, только правду. Поймите, вся моя судьба поставлена на карту. Ведь если это настоящий Некрасов...

Демидов (кусоч застрял у него в горле). Что вы сказали? Вы говорили, что он жулик.

Баран. Я в этом убежден. Но все уверены, что он Некрасов. Я вам говорю: мне начинает казаться, что я схожу с ума.

Демидов. Значит, это может быть настоящий Некрасов? Зачем вы меня сюда привели? Я ненавижу балы. У меня голова занята другим. Я пойду домой.

Баран (удерживая его). Федор Петрович, вы один можете его разоблачить. Вы сразу увидите, что это не Некрасов.

Демидов. Я в жизни встречал столько людей... Трудно запомнить все лица. Здесь очень жарко. Я пойду домой.

Баран. Вы не можете уйти! Вы должны его разоблачить!

Демидов. Я здесь, чтобы разоблачать Советский Союз, а не какого-то Некрасова.

Баран (снова берет его под руку). Я вас умоляю! Он сейчас придет!

Демидов. Меня он не интересует. Я крупный экономист. Мне надоели ваши интриги. Я пойду домой.

Баран. Но я убежден, что это самозванец.

В глубине сцены появляется Гoble.

Я пригласил инспектора уголовной полиции. Его арестуют. Я его сгною в тюрьме.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Гoble.

Баран. Входите, Гoble, не стесняйтесь. Сейчас мы вам его покажем.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Бодуэн и Шапюи.

Бодуэн (показывает удостоверение). Политическая полиция. Ваши документы.

Баран. Я Шарль Баран.

Шапюи (Бодуэну). Он в списке неблагонадежных.

Бодуэн (проверяет документы Барана, которые тот предъявляет с негодованием). Проходите. (Демидову.) Тебя мы знаем. Лучше бы ты убрался отсюда.

Демидов хочет бежать.

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
Баран (не отпуская Демидова). Федор Петрович!

Бодуэн. Попрошу вас освободить эту комнату. Нам нужно поговорить с инспектором Гoble.

Баран (не выпуская Демидова, Гoble). Ждите нас здесь.

Баран и Демидов уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бодуэн, Шапюи, Гoble.

Бодуэн. Ты что тут делаешь?

Гoble. Меня пригласили.

Шапюи. Скажите пожалуйста, «пригласили!». Мы здесь по служебному заданию.

Гoble. Я тоже.

Бодуэн. Ты, может быть, кого-нибудь ищешь?

Гoble. Это вас не касается!

Шапюи. Ну, знаешь...

Бодуэн. Оставь, он любит секреты...

Шапюи. Ищи кого хочешь, но нам не мешай. Понятно?

Гoble. Не мешать вам?

Шапюи. Не трогай Некрасова.

Гoble. Некрасова?

Бодуэн. Не трогай Некрасова, если ты дорожишь своим местом. Понятно?

Гoble. У меня свое начальство. Я вам не подчиняюсь! Понятно?

Шапюи. Твое начальство подчиняется нашему начальству. Понятно?

(Уходит смеясь.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гoble, потом гости.

Гoble. Ничего не понятно. Некрасов... Я что-то читал про него в газете...

Первый гость (беря сэндвичи). Вы знаете, как они расстреливают? Столб, два метра расстояния, пли!..

Второй гость. Два метра? Но это ужасно близко! Я попрошу, чтобы мне завязали глаза. (Уходит.)

Гoble. Загадочно разговаривают аристократы...

Гостья. Луиза говорит, что они стреляют в голову.

Третий гость. Нет. Это совершенно точно: они целятся прямо в сердце.

Гостья. Предпочитаю в сердце. Между нами, Луиза не блещет красотой, а я не хочу умереть изуродованной. (Уходит.)

Гобле. Как несправедливо судят об аристократах! Упрекают их в легкомыслии, а они даже на балах говорят о смерти.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гобле, Жорж, Сибило, оба телохранителя.

Жорж (телохранителям). Можете идти танцевать.

Они уходят.

(Прикрывает за ними дверь.) Сибило, смелей! Веселей!

Сибило. Хорошо. Идем. (Заметил, что по залу прошли Баран и Демидов.) Ты видишь?

Жорж. Что там?

Сибило. Стань к ним спиной, не то мы пропали. Это Баран с Демидовым. Они ищут тебя.

Жорж. Наплевать мне на Демидова! Меня теперь интересуют Палотен и Нерсья. Я им покажу, кто из нас сильнее... Они должны снова взять на работу эту машинистку.

Входит один из гостей.

Гость (шатаясь, опорожняет рюмку, потом поднимает ее, как бы произнося тост). По выстроенным у стенки «Б. Ж.» – огонь! Пли! Да здравствует Франция! (Падает.)

Гобле (подбежав к нему из глубины сцены). Бедняжка! (Становится перед гостем на колени.)

Гость (приоткрыв глаза). Ну и харя! Пристрели меня, но не мучай. (Засыпает.)

Гобле злобно отпихивает его под стол.

Жорж (заметив Гобле, быстро отворачивается, Сибило). Гобле! Вот это мне не нравится!

Сибило. Не бойся, я им займусь.

Жорж. Ты?

Сибило. Мы с ним друзья. (Идет к Гобле, раскрыв объятия.)

Здравствуй, старина!

Гобле. Вы ошибаетесь...

Сибило. Я – Сибило. Неужели ты не помнишь? Ты меня не узнаешь?

Гобле (недоверчиво). Вы не похожи на себя.

Сибило. Меня сюда прислал редактор. Он одолжил мне этот смокинг.

Гобле. У вас и лицо теперь другое...

Сибило. Лицо...

Гобле. У вас лицо человека, который много зарабатывает...

Сибило. Глупости! Это не мое лицо. Это лицо смокинга. Хочешь выпить?

Гобле. Да. Но я не могу ..

Сибило. Стесняешься, бедняга? Я тебя понимаю. Мы здесь не на своем месте. Знаешь, что мы с тобой сделаем? Пойдем на кухню. Там, наверно, симпатичные кухарки. Разопьем бутылочку.

Гобле (побежден). Пожалуй.

Сибило. Договорились. Там мы будем как у себя дома. (Увлекает Гобле за собой.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Жорж, потом Бодуэн и Шапюи.

Жорж. Уф!

Шапюи появляется из одной двери, Бодуэн – из другой.

Бодуэн. Мы инспекторы политической полиции.

Шапюи. Очень рады с вами познакомиться, господин Некрасов.

Бодуэн. Главное, не волнуйтесь!

Шапюи. Вы можете положиться на нас!

Бодуэн. В случае чего, мы здесь.

Жорж. «В случае чего»... А разве есть «что»?

Шапюи. Возможность покушения не исключена.

Жорж. Покушения? На кого?

Бодуэн. На вас.

Жорж (улыбаясь). На меня?

Шапюи. Тсс! Мы вас охраняем.

Исчезают в ту минуту, когда входят Бунуми и гости.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Жорж, Бунуми, Нерсья, Жюль, Пердриер, Перигор, гости, фотографы.

Бунуми. Вот наш спаситель!

Все. Да здравствует Некрасов!

Гостья. До чего вы красивы!

Жорж. К вашим услугам.

Вторая гостья. О, как я хотела бы иметь от вас ребенка!

Жорж. Что ж, об этом можно подумать.

Бунуми. Дорогой друг, вы скажете нам несколько слов?

Жорж. Охотно. (Громко.) Милостивые государи, милостивые государыни! Цивилизации приходят и уходят. Европа теперь – фатальное понятие. Греческий миф в опасности. Спасем греческий миф!

Все. Умрем за греческий миф! Умрем!

Аплодисменты.

Бунуми (подводит Пердриера к Жоржу). Вот ваш горячий поклонник.

Жорж. Очень приятно. В таком случае и вы мне нравитесь. Можно узнать, с кем имею честь?..

Пердриер. Я вам обязан на всю жизнь. Вы мне так помогли, так помогли!..

Жорж (крайне удивлен). А, собственно говоря, в чем?

Пердриер. Вы помогли мне снять мою кандидатуру.

Жорж. Ах, значит, вы Пердриер?

Пердриер хочет поцеловать руку Жоржа. Жорж его обнимает.

Бунуми. Фотографы, скорей!

Вспышки ламп фотографов.

(Становится перед ними.) Теперь группа: мы втроем.

Жюль (хочет сняться). Разрешите?

Жорж. Нет.

Жюль (тихо). Ты на меня сердишься?

Жорж (отводит Жюля на авансцену). Я хочу, чтобы ты сейчас же восстановил на работе всех, кого ты уволил.

Жюль. Это тебя не касается, это дело газеты!

Жорж. Дела газеты – мои дела.

Жюль. Ты сошел с ума! Кто редактор?

Жорж. Ты. Но, если ты будешь так себя вести, тебя рассчитают. Я потребую у членов правления, чтобы тебя выгнали.

Жюль. Тебе не кажется, что ты немного преувеличиваешь свое значение?

Жорж. Преуменьшаю. Кто удвоил тираж твоей газетёнки?

Жюль. А кто тебе создал славу?

Жорж. Без меня тебя давно бы выгнали.

Жюль. Без меня ты бы валялся под мостом.

Жорж. С тобой или без тебя, я герой западного мира. А ты... знаешь, кто ты? Жалкий писака. Тебе повезло, что ты попал на великого человека!

Жюль. На великого человека?.. В общем, да. Ты великий человек.

Жорж (удивленно). Значит, ты это признаешь?

Жюль. Пожалуйста! На меня великие люди не производят никакого впечатления. Я их сам изготавляю. Пока «писака» пишет о них, они существуют. Перестанет писать – и нет больше великого человека.

Жорж. Но...

Жюль. Знаешь, сколько в Париже было великих людей в пятидесятом году? Четыреста восемьдесят семь! Четыреста девяносто девять в пятьдесят первом. А в этом году их будет по меньшей мере шестьсот. Спрос растет. Не знаю прямо, откуда их достать. Великий человек!.. У нас сегодня пятнадцатое мая, а ты уже двести семьдесят восьмой «великий человек» в этом году.

Жорж. Слушай, Жюль...

Жюль. А что касается твоих протезе, их уволило правление. Можешь поговорить с Нерсья. Его выбрали председателем вместо Барана.

Жорж (подходит к Нерсья и берет его под руку). Дорогой господин Нерсья...

Нерсья. Дорогой господин Некрасов...

Жорж. Могу я вас попросить об одной услуге?

Нерсья. Для вас у меня нет отказа.

Жорж. Вы помните госпожу Кастанье?

Нерсья. Нет.

Жорж. Машинистку, которую вы уволили.

Нерсья. А-а! Конечно, помню. Она коммунистка.

Жорж. Она вдова.

Нерсья. Я вам говорю, что она коммунистка.

Жорж. У нее больная дочь.

Нерсья. Она коммунистка.

Жорж. Но что ей теперь делать? Броситься с дочкой в реку?

Нерсья. Двумя коммунистками будет меньше... Я пошутил. Я не хочу их смерти. Но я не вполне понимаю, о чем вы меня просите.

Жорж. Я хочу, чтобы вы ее восстановили на работе.

Нерсья. Но, дорогой господин Некрасов, это зависит не от меня одного. Я передам вашу просьбу правлению. Это все?

Жорж (он в бешенстве, но сдерживается.) Нет. (Вынимает из кармана номер «Суар-а-Пари»). Что здесь написано?

Нерсья (читает). «Некрасов заявил, что он хорошо знает журналистов Дюваля и Мэтра». Это ведь ваши слова?

Жорж. Нет!

Нерсья. Вы это не говорили?

Жорж. Нет!

Нерсья. Гм... (Жюлю, строго.) Дорогой Палотен, вы меня удивляете! Вы забыли принцип нашей газеты: «Правда, только правда».

Жюль (подозвав проходившего Перигора). Перигор, посмотри, здесь приписывают Некрасову вещи, которых он не говорил.

Перигор (читает заметку). А-а, это, должно быть, сочинил Тавернье.

Жюль. Тавернье? Нехорошо! Перигор, принцип нашей газеты: «Правда, только правда». Придется его уволить.

Жорж. Нет!

Жюль. Мы сейчас же его уволим.

Жорж. Вы достаточно наувольняли и без него.

Жюль. В таком случае ограничимся хорошим нагоняем. Скажи Тавернье, что он остался только потому, что за него заступился Некрасов.

Жорж. Так будет лучше. (Пауза.) Что касается меня, то я удовлетворюсь простым опровержением.

Жюль. Опровержением?

Нерсья. Опровержением?

Перигор. Опровержением?

Переглядываются.

Жюль. Послушай, Некрасов, это было бы большой глупостью!

Перигор. Читатели ничего бы не поняли...

Нерсья. Где вы видели, чтобы газета опровергала самое себя?

Жюль. Мы только привлечем внимание читателей к этой коротенькой заметке.

Перигор. Никто ее не прочитал, я убежден!

Жюль (Нерсья). Скажите, дорогой председатель, вы обратили внимание на эту заметку?

Нерсья. Нет. А я ведь читаю газету от первой строки до последней.

Жюль. Такая игра завела бы нас слишком далеко. В каждом номере придется опровергать то, что было напечатано накануне...

Жорж. Что же вы собираетесь делать?

Жюль. Больше об этом ни слова.

Нерсья. Инцидент можно считать исчерпанным.

Жорж. Нет. Я требую, чтобы вы напечатали опровержение!

Нерсья. Вы требуете?

Жорж. Да! Я оказал вам достаточно услуг.

Нерсья. Мы вам за них заплатили.

Жорж. Моя слава...

Жюль. Твоя слава, Некрасов... Я не хотел тебе говорить, но твоя слава закатывается. В четверг мы продали два миллиона экземпляров. А сегодня – всего миллион семьсот тысяч...

Жорж. Это все-таки много больше вашего обычного тиража.

Жюль. Подожди еще неделю, и тираж упадет до девятисот тысяч. Что тогда останется от тебя? Ничего.

Жорж. Не торопись. У меня еще имеются про запас совершенно исключительные сенсации.

Жюль. Слишком поздно! Читатель объелся твоими сенсациями. Можешь завтра рассказать все что угодно – ни на кого больше это не подействует.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же, Баран и Демидов.

Баран (громким голосом). Господа! (Все замолкают и поворачиваются к нему.) Вас обманули!

Возгласы, движение.

Нерсья. Что вы здесь делаете, Баран?

Баран. Я пришел разоблачить мошенника. (Показывает на Демидова.) Вот Демидов. Знаменитый советский экономист. (Демидову, указывая на Жоржа.) Посмотрите на человека, который выдает себя за Некрасова. Вы его узнаете?

Демидов. Я вам сказал, что я хочу домой.

Жорж (бросается к Демидову и обнимает его). Наконец-то! (Все.) Прошу всех выйти. У меня к Демидову секретное поручение.

Баран. Мы не уйдем, пока вас не выведут на чистую воду!

Между Бараном и Жоржем возникают Бодуэн и Шапюи.

Бодуэн. Нет, вам придется уйти!

Баран. Но я...

Бодуэн. Политическая полиция. Приказ!

Шапюи (остальным). Прошу всех удалиться!

Вытесняют гостей, остаются Жорж и Демидов.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Жорж, Демидов.

Демидов. Ты не Некрасов.

Жорж. Не кричи! Какое это имеет значение?!..

Демидов (упрямо). Ты не Некрасов. Ты француз.

Жорж. Не старайся, мы одни. Демидов, я давно хотел с тобой поговорить!

Демидов. Я тебя не знаю!

Жорж. Но я тебя знаю. Я собрал о тебе кое-какие сведения. Ты был в Мюнхене диктором у американцев. У тебя голос старого пропойцы. Тебя прогнали. В пятидесятом году ты приехал во Францию и записался в партию «Освобождение России». Тебе доверили партийную кассу. В бухгалтерии оказались недочеты, и тебя исключили по идеологическим мотивам. Тогда ты образовал свою собственную партию, «МРН». Ты единственный член этой партии. Ты живешь в паршивой конуре. Американской визы тебе не видать. Ты сдохнешь под мостом.

Демидов (бросается на Жоржа). Гад!

Жорж. Не кричи! Ты напрасно на меня сердисься. Я могу тебя спасти. У меня есть идея. Мы должны вместе работать.

Демидов. Я? Вместе работать? никогда! Я тебя разоблачу. Я это обещал Барану.

Жорж. Ты сам знаешь, что Баран – старый скряга. У тебя только один выход: мы должны вместе работать. Скажи, почему ты назвал свою партию «МРН»?

Демидов. «Многомиллионный русский народ».

Жорж. «Многомиллионный русский народ»! И в этой партии ты один?

Демидов. Многомиллионный русский народ спасет Россию и меня.

Жорж. Нет, Демидов, это я тебя спасу. Мы должны вместе работать. Я согласен сейчас же вступить в твою партию.

Демидов. Ты?

Жорж. Да. Я, Некрасов. Ты понимаешь, какой гигантский шаг ты сделаешь? Если в партии есть всего один член, у нее очень мало шансов, чтобы их стало когда-нибудь два. Но когда их два, – завтра их может быть миллион.

Демидов (потрясен). В «МРН» будут два члена?

Жорж. Да!

Демидов (подозрительно). Ты знаешь мой принцип – строжайшая партийная дисциплина? Глава партии – это я.

Жорж. Согласен.

Демидов. Я даю директивы!

Жорж. Я их выполняю.

Демидов. Малейший уклон – я тебя исключу!

Жорж. Я тебе обещаю: никаких уклонов. Но надо торопиться. Сегодня я знаменит. Завтра меня, может быть, забудут! Пользуйся случаем. Мои статьи печатаются во всем мире. Я буду писать под твою диктовку.

Демидов. Ты можешь покрыть Орлова? На всю Европу?

Жорж. Кто это – Орлов?

Демидов. Мой бывший начальник. Директор базы нефтесбыта.

Жорж. Завтра он будет посмешищем всей Европы.

Демидов. Идет! (Протягивает Жоржу руку.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Гости робко заглядывают в аванзал. Входят Баран, Бунуми, Нерсья, Жюль, Пердриер, Перигор, Бодуэн, Шапюи, Гости.

Баран. Ну, Демидов, кто этот человек?

Демидов. Некрасов.

Одобрительные возгласы.

Баран. Вы лжете! Вы с ним сговорились.

Жорж. Мы с ним старые друзья. Я часто обращался к нему за советом, когда был министром...

Баран. Самозванец!

Жорж (всем). Беру вас в свидетели, господа: этот субъект работает на коммунистов.

Гости (Барану). Убирайтесь в Москву! В Москву!

Баран. Я покончу с собой, но я тебя перед этим застрелю! (Выхватывает револьвер.) Благодарите меня, господа: я избавил мир от мерзавца (показывая на Жоржа) и скрытого коммуниста! (Показывая на себя.)

Бунуми. Покушение! Покушение!

Бодуэн и Шапюи обезоруживают Барана и передают его телохранителям.

Шапюи (телохранителям). Уведите его!

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
Баран (вырываясь). Пустите! Пустите!

Гости. В Москву! В Москву!

Телохранители поднимают и выносят Барана.

Бодуэн (гостям). Мы предвидели это покушение. Господа, опасность миновала. Будьте добры, возвратитесь в зал. Мы на несколько минут похитим у вас господина Некрасова, чтобы договориться с ним о дальнейших мерах по его охране. Не бойтесь: мы его задержим ненадолго.

Гости уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Жорж, Бодуэн, Шапюи и в течение минуты Гoble и Сибило.

Бодуэн. Признайтесь, что мы ваши ангелы-хранители.

Шапюи. Без нас вы были бы уже убиты.

Жорж. Благодарю вас, господа.

Бодуэн. Мы только выполнили наш долг!

Шапюи. Мы счастливы, что спасли вас!

Жорж делает легкий поклон, идет к выходу. Входит Гoble.

Гoble (Жоржу). Простите, вы не видели господина Шарля Барана?

Жорж (повернувшись к нему спиной). Нет!

Гoble. Он сказал, что будет здесь ждать меня. Получилось неудобно...

Сибило (появляется внезапно, сильно пьяный). Идем, Гoble, идем, золото мое! Кухарки по тебе соскучились! (Уводит Гoble.)

Бодуэн. Вы знаете этого человека?

Жорж. Нет.

Шапюи. Это инспектор уголовной полиции.

Жорж. А!..

Бодуэн. Будьте добры присесть.

Жорж. Но...

Шапюи. Нам очень нужна ваша помощь.

Жорж (сел). Чем могу быть полезен?

Шапюи. Мы раскрыли крупный заговор. Его цель – разложить Францию.

Жорж. Франция разлагается?

Шапюи. Нет еще: мы на страже.

Бодуэн. По злоумышленники хотят, чтобы Франция разложилась.

Жорж. Бедная Франция! Кто же на нее покушается?..

Шапюи. Два журналиста.

Жорж. На сорок миллионов французов? Если это так, вашу страну очень легко разложить.

Бодуэн. Эти два человека – только ширма. В их лице мы хотим покарать отвратительные газеты, которые усыпляют бдительность читателей...

Шапюи. ...уверая их, будто ослабление международной напряженности возможно...

Бодуэн. Мало того! Желательно!

Шапюи. Мало того! Необходимо!

Бодуэн. Правительство хочет действовать быстро и решительно.

Шапюи. Их предадут суду...

Бодуэн. Военному трибуналу...

Шапюи. Трибуналу нужны неопровержимые доказательства...

Бодуэн. На этот раз нам повезло.

Шапюи. Вы здесь.

Жорж. Я?

Шапюи. Вы.

Жорж. Я здесь?

Бодуэн. А разве вы не здесь?

Жорж. Здесь...

Шапюи. Вы будете нашим свидетелем.

Жорж. Ага...

Бодуэн. Вы, как советский министр, конечно, пользовались услугами этих двух журналистов...

Шапюи. И вы нас очень обяжете, подтвердив это в письменной форме.

Жорж. Как их зовут?

Шапюи. Пьер Дюваль и Шарль Мэтр.

Жорж. Мэтр и Дюваль... Дюваль и Мэтр... Нет, я их не знаю.

Бодуэн. Этого не может быть!

Жорж. Почему?

Шапюи. Вы сами заявили вчера в «Суар-а-Пари», что вы их хорошо знаете.

Жорж. Я этого никогда не говорил.

Бодуэн. Возможно. Но это напечатано.

Жорж. Завтра будет опровержение.

Бодуэн. Опровержение?

Шапюи. «Суар-а-Пари» никогда не делает опровержений.

Бодуэн. Вы знаете имена двадцати тысяч будущих жертв, вы не могли не знать этих советских агентов.

Жорж. Иностранная пресса не входила в компетенцию моего министерства.

Шапюи. В конце концов, это не важно.

Бодуэн. Дело не в том, знаете вы их или нет.

Шапюи. Вы можете судить по их поступкам.

Бодуэн. Раз они ведут себя как советские агенты...

Шапюи. ...говорят то же самое, что сторонники мира...

Бодуэн. ...то у вас есть моральная уверенность...

Шапюи. ...в том, что они изменники.

Бодуэн (достаёт бумажку из портфеля). Вот короткое, но веское заявление: «Я признаю, что пользовался услугами журналистов Дювала и Мэтра и оплачивал их работу по разложению Франции». Вам остается только подписать.

Жорж. Весьма сожалею, но я этого не подпишу.

Пауза.

Бодуэн. Очень хорошо!

Шапюи. Прекрасно!

Бодуэн. Франция – страна свободы.

Шапюи. Во Франции ни на кого не оказывают никакого давления.

Бодуэн. Но беда в том, что у господина Некрасова много врагов.

Шапюи. Эти враги уверяют, что вас прислала к нам Москва.

Жорж. Москва?

Бодуэн. Да. С особым поручением.

Жорж. С каким поручением?

Шапюи. Подготовить будущую оккупацию Франции.

Жорж. Это бред!

Бодуэн. Конечно... Но нужно заткнуть рот клеветникам. Нас и так упрекают в излишней терпимости.

Шапюи. Нам говорят, что вас следовало бы выпроводить из Франции.

Бодуэн. Франция – прекрасная страна...

Шапюи. Она умеет улыбаться...

Бодуэн. Но она умеет и гневаться.

Жорж. Я доверился французскому гостеприимству.

Бодуэн и Шапюи посмеиваются.

Шапюи. Скажите еще что-нибудь о праве убежища.

Бодуэн. Он думает, будто живет в средневековье.

Шапюи. Мы оказываем гостеприимство английским лордам...

Бодуэн. Немецким туристам...

Шапюи. Американским солдатам...

Бодуэн. ...но не советским гражданам!

Жорж. Это что же – шантаж?

Шалуй. О нет! Это дилемма. Или – или...

Пауза. Они встанут и становятся по обе стороны Жоржа.

Жорж (наливает себе рюмку). Делайте что хотите.

Пауза.

Бодуэн (меняя тон). Вот как, дорогой Жорж! Мы упряимся?

Шапю. Мы играем в честность?

Жорж (вскакивая). Что?

Бодуэн. Садись, садись! (Усаживает его.)

Шапю. Знаешь, ты нас напугал!

Бодуэн. Только мы не таких видали.

Шапю. Мошенники – тряпки.

Бодуэн. Стоит их немножко пощекотать...

Шапю. ...и они перестают ломаться.

Жорж. Я не понимаю, что вы хотите этим сказать?

Шапю. Я думаю, что ты понимаешь.

Бодуэн. Если хочешь, можно тебе объяснить. Ты Жорж де Валера, крупный аферист и мошенник. И мы можем сейчас же передать тебя в руки инспектора уголовной полиции Гoble. Он тебя, кстати, ищет.

Жорж (пытаясь рассмеяться). Жорж де Валера? Это недоразумение! Очень смешное недоразумение! Я...

Шапю. Не старайся! Твои телохранители целую неделю тебя фотографировали. Они сняли даже отпечатки твоих пальцев. Ты попался, голубчик!

Жорж. Черт!

Пауза.

Бодуэн. Имей в виду: мы люди не злые...

Шапю. И потом мошенничество не по нашей части.

Бодуэн. Это дело уголовной полиции. А мы ее не очень-то любим.

Шапю. На инспектора Гoble нам наплевать.

Бодуэн. Нам нужны двое журналистов.

Шапю. И, если ты их нам выдашь, ты можешь оставаться Некрасовым сколько тебе вздумается.

Бодуэн. Будешь оказывать нам небольшие услуги.

Шапю. Время от времени мы будем показывать тебе разных людей.

Бодуэн. А ты будешь подтверждать, что ты их знаешь. Как видишь, мы хотим немногого.

Шапю. За это мы тебя покроем.

Бодуэн. Кроме нас, никто не знает...

Шапю. Мы сказали только министру.

Бодуэн. Это ничего. Можешь не беспокоиться. Он знает, но он не знает.

Шапю. Он сказал: «Я этого не хочу знать».

Бодуэн. А министр знает, чего он хочет.

Шапю. Теперь ты понял, упрямец?

Жорж. Понял...

Бодуэн. Не хочешь подписать эту бумажку, пожалуйста, мы не настаиваем.

Шапю. У тебя есть время подумать.

Бодуэн. Но в четверг мы придем за тобой и повезем тебя в трибунал.

Шапю. Прокурор спросит тебя, знаешь ли ты Дюваля и Мэтра.

Бодуэн. Ты скажешь: «Знаю». Ничего другого тебе не останется.

Шапю. До свидания, голубок мой! До скорого!

Бодуэн. До четверга, моя прелесть!

Уходят, посылая ему воздушные поцелуи.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Жорж один, потом Демидов.

Жорж. Так... так, так, так!.. (Подходит к зеркалу.) Прощай, Некрасов! Прощай, слава, прощайте, тройки и метели! Да здравствует Жорж де Валера! (Осматривает карманы.) Семь тысяч франков и новый смокинг. Отвратительное ремесло! (В зеркало.) Жорж, дорогой мой Жорж, ты не представляешь себе, как я рад снова с тобой встретиться. Милостивые государи и милостивые государыни! Поскольку Некрасов скончался, Жорж де Валера уйдет не прощаясь. Но как? С парадного хода?.. Нельзя, там шпики. С черного? (Открывает правую дверь.) Черт побери, там мои телохранители! В окно? (Подходит к окну и высовывается.) По крайней мере десять метров, я сломаю себе шею. Нет ли поблизости водосточной трубы? (Лезет в окно.) Слишком далеко. Если бы можно было чем-нибудь занять моих телохранителей?

Демидов (увидав Жоржа в окне, бросается к нему, хватая и спускает на пол). Ты что это придумал? Мы с тобой договорились: ты должен уничтожать Орлова, а не прыгать в окна.

Жорж. Я...

Демидов. Я мог бы тебе сейчас диктовать, но я немножко выпил. Мне нельзя пить. Я, когда выпью, буяню.

Жорж (очень заинтересован). Да?

Демидов. Все ломаю. Вдребезги. Даже убить могу.

Жорж. Да что ты говоришь?..

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же, Бунуми, Пердриер, все гости.

Бунуми (Жоржу). Наконец-то вы освободились! Я надеюсь, вы нас не покинете? Мы сейчас будем играть в салонные игры.

Жорж. В салонные игры? Я знаю прелестную игру. Стоит Демидову выпить, как он становится душой общества.

Бунуми. Чудесно! Давайте подпоим его.

Жорж. Предупредите всех, остальное я беру на себя.

Бунуми (одному из гостей). Надо напоить Демидова, это будет очень весело.

Гости перешептываются, сообщая это друг другу.

Жорж (Демидову). Наши друзья хотят чокнуться с тобой!

Демидов. Ладно. За святую Русь!

Все. За святую Русь!

Демидов. За наш победный въезд в Москву!

Все. За въезд в Москву!

Жорж. Ты забыл Орлова?

Демидов. За то, чтобы Орлова повесили под моим окном.

Все. Ура!

Демидов. Долой нефтесбыт!

Все. Долой!

Жорж. Ты забыл про нашу партию. Сейчас подходящий случай рассказать о ней всему миру.

Демидов. За нашу многомиллионную партию! За «МРН»!

Все. За «МРН»!

Большинство гостей совершенно пьяны. Они надевают бумажные шапочки, дуют в игрушечные трубы, бросают конфетти и серпантин.

Демидов. Еще за что будем пить?

Жорж. Не знаю. Может быть, за Францию? Все-таки надо быть вежливым.

Демидов. К черту Францию! За атомную бомбу! За водородную! За кобальтовую! За немецкую армию! Они повесят Орлова. Они разнесут вашу Францию.

Среди гостей некоторые повторяют тосты Демидова, другие смущены.

А ты почему не пьешь? За твою гибель, гад!

Пердриер. За мою гибель?

Демидов. Пей, когда тебе говорят!

Пердриер. Пью, пью.

Гость (жене). По-твоему, это весело?

Гостя. По-моему, нет. А по-твоему?

Демидов. Кто еще не пьет? Я вам покажу! (Хватает конец скатерти, сбрасывает все на пол, кидается на гостей.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же, телохранители, Гoble и Сибилlo.

Жорж (подозвав телохранителей). Он сошел с ума. Уведите его.

Телохранители бросаются на Демидова и выводят его в среднюю дверь. Жорж хочет воспользоваться суматохой, чтобы убежать, но у правой двери сталкивается лицом к лицу с Гобле, который вносит на плечах вдребезги пьяного Сибило.

Гобле (кладет Сибило на кресло). Отдохни, старина. Сейчас я принесу мокрое полотенце.

Сибило. Гобле, дорогой Гобле, ты моя мать. (Рыдает.) Я обманул родную мать. Я тебя увел на кухню, чтобы ты не арестовал мошенника.

Гобле (насторожившись). Какого мошенника?

Сибило. Жоржа де Валера.

В это время Жорж сделал полный круг, обогнув комнату, снова дошел до правой двери.

Гобле. Жорж де Валера? Где он?

Жорж уже в дверях.

Сибило (показывает пальцем). Вот!

Гобле. Стой! (Выхватывает револьвер и бросается вслед Жоржу, стреляя на ходу.)

Гости (в ужасе). Большевики! Большевики! Нас уже расстреливают!

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Квартира Сибило. Ночь. Жорж влезает в окно. Вероника входит и зажигает свет. На ней то же платье, что в третьей картине; она собирается уйти. Жорж становится за ее спиной с поднятыми руками, улыбаясь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жорж. Добрый вечер!

Вероника (обернувшись). А-а, Некрасов!

Жорж. Некрасов умер. Зови меня Жоржем и опусти шторы. (Опускает руки.) А ты так и не сказала мне, как тебя зовут.

Вероника. Вероника.

Жорж. Милое французское имя. (Падает в кресло.) Я сидел в этом самом кресле, ты собиралась уходить, полицейские рыскали по улице... Все сначала. Как я тогда был молод! (Прислушивается.) Свистели?

Вероника. Нет. За тобой гонятся?

Жорж. За мной гонятся с тех пор, как мне исполнилось двадцать лет. (Пауза.) Я сейчас от них убежал. Ненадолго.

Вероника. А если они придут сюда?

Жорж. Непременно придут. Гобле – по привычке, политическая полиция – потому, что у них хороший нюх. Но у меня есть десять минут.

Вероника. Тебя преследует политическая полиция?

Жорж. Инспектор Бодуэн и инспектор Шапюи. Ты их знаешь?

Вероника. Нет. Но я знаю, что такое политическая полиция. Ты понимаешь, как это опасно?

Жорж (иронически). Не вполне безопасно...

Вероника. Тебе нельзя оставаться здесь.

Жорж. Мне нужно с тобой поговорить.

Вероника. О себе?

Жорж. О твоих друзьях.

Вероника. Мы встретимся завтра... Где хочешь. А сейчас иди.

Жорж. Если я уйду, ты меня больше не увидишь: они меня схватят. (В ответ на жест с ее стороны.) Не спорь, я эти вещи знаю. И потом, куда же я пойду? Спрятаться нигде. Ночью еще можно пройти по улице в смокинге. Но утром... Вероника, моя звезда закатилась, мой гений мне изменяет. (Ходит по комнате.) Этой ночью арестуют одного человека, будь уверена. Но кого? Гобле ищет Жоржа де Валера, политическая полиция – Некрасова. Кто первый меня поймает, тот и решит, Некрасов я или Валера. За кого ты держишь пари? За уголовную полицию или за политическую?

Вероника. За политическую.

Жорж. Я тоже. (Пауза.) Предупреди Мэтра и Дюваля.

Вероника. О чем?

Жорж. Слушай, девочка! Постарайся понять. (Терпеливо.) Что со мной сделает политическая полиция? Упрячет в тюрьму? Нет, не так они глупы. Некрасов может еще пригодиться. Для меня снимут загородную дачу в уединенном месте с большими светлыми комнатами. Мне отведут лучшую, уложат меня в постель. Бедняжка Некрасов очень ослаб, он столько перестрадал. Это не помешает твоему отцу публиковать мои сенсационные разоблачения; он набил руку, может теперь писать без меня. (Подражая продавцу газет.) «Мэтр и Дюваль тайно ездили в Москву, Некрасов платил им в долларах». Это, кажется, называется «провести психологическую подготовку». Когда их хорошенько вываляют в грязи, читатели найдут естественным, что их обвинят в государственной измене.

Вероника. Что значат для трибунала статьи моего отца? Трибуналу нужны свидетели.

Жорж. А ты уверена, что я не пойду в свидетели?

Вероника. Ты?!..

Жорж. Да, я. Меня принесут на носилках. Девочка, я не люблю, когда меня бьют. Если меня будут лупить каждый день, мне это надоест.

Вероника. Ты думаешь, что они...

Жорж. Нет, их заест совесть. (Пауза.) Можешь меня презирать, но я слишком поэт, чтобы обладать физическим мужеством.

Вероника. Я тебя не презираю. У тебя есть еще выбор.

Жорж. Я не знаю, что выбрать.

Вероника. Ты ведь не хочешь их оговорить?

Жорж. Не хочу. Но, с другой стороны, я не хочу, чтобы мне выбили все зубы. Вероника, я не создан для политики.

Вероника. Я убеждена, что ты на это не пойдешь.

Жорж. Я все-таки предпочитаю, чтобы Мэтр и Дюваль скрылись.

Вероника. Почему?

Жорж. Если я не выдержу, я выступлю свидетелем. Я ведь буду знать, что в тюрьму их не посадят.

Вероника. Если ты выступишь свидетелем, их осудят заочно.

Жорж. Приговор – это чепуха, когда человека нельзя посадить.

Вероника (обезоружена его наивностью). Бедный Жорж! Неужели ты не понимаешь?

Жорж (не слушая ее). Я сейчас уйду, а ты ступай к ним, скажи, чтобы они скрылись.

Вероника. Они не скроются.

Жорж. Не скроются? А пять лет тюрьмы?.. Ты что, рехнулась?

Вероника. Они, не скроются, потому что они невинны.

Жорж. Только что ты уговаривала меня, чтобы я бежал, потому что я виновен. Женская логика! Если тебя послушать, то все преступники отправятся на рыбалку, а все невинные заплесневеют в тюрьмах.

Вероника. В общем, оно так и есть.

Жорж. Глупости, мышонок! Вы просто не хотите помочь своим.

Вероника. Ты увидишь, что будет, когда их арестуют.

Жорж. Вижу заранее. Плакаты, митинги, демонстрации. А эти двое за решеткой. Дурак я! Лезу в волчью пасть, чтобы их предупредить, а вам, оказывается, это весьма не на руку. Вы хотите совсем другого. Вам на них наплевать. Почему я хотел их предупредить? Меня сейчас тоже схватят. Чувство товарищества.

Вероника набирает номер телефона.

Что ты делаешь?

Вероника (в трубку). Это ты, Робер? Тут один человек хочет с тобой поговорить. (Жоржу.) Это Дюваль.

Жорж. Может быть, его разговоры подслушивают?

Вероника. Это не имеет значения. (Передает ему трубку.)

Жорж. Алло, Дюваль?.. Слушайте хорошенько. Вас схватят завтра. Самое позднее – послезавтра. По всей вероятности, вас засудят. У вас нет времени даже уложить чемодан. Бегите! Сейчас же!.. Что? О!.. (Опуская трубку.) Ну и обругал он меня!

Вероника (берет трубку). Нет, Робер, нет, успокойся, это не провокатор. Я тебе потом объясню. (Кладет трубку.) Хочешь поговорить с мэтром?

Жорж. Нет, я теперь все понял. (Хохочет.) В первый раз в жизни я хотел оказать человеку услугу. И, наверно, в последний. (Пауза.) Мне остается только уйти. До свидания и... примите мои извинения.

Вероника. До свидания.

Жорж (внезапно приходит в ярость). Это идиоты, вот что! У них нет даже воображения! Они не подозревают, что такое тюрьма! Я-то это знаю.

Вероника. Ты никогда еще не сидел в тюрьме.

Жорж. Не сидел, но я поэт. Я могу себе представить. Мне кажется, что я уже в одиночке. Да знают ли они, что из тюрьмы половина выходит с чахоткой?

Вероника. Дювала арестовали в октябре тридцать девятого. Он вышел в августе сорок четвертого. Нажил чухотку.

Жорж. Тогда он сумасшедший!

Вероника. Нет, Жорж. Он – как ты: он хочет спасти то, что ему дорого.

Жорж. Дорого ему или вам?

Вероника. Ему, мне, нам. Тебе дорога только твоя шкура, и ты хочешь ее спасти. Это естественно. А у Дювала – его партия, его борьба, его читатели. Это для него жизнь. Если он хочет спасти все, что ему дорого, он не может бежать.

Пауза.

Жорж (яростно). Все вы – отвратительные эгоисты!

Вероника. Не понимаю...

Жорж. Ему захотелось тернового венца, вы будете ему аплодировать, а что будет со мной? Я окажусь изменником, доносчиком, шпиком...

Вероника. Ты можешь...

Жорж. Нет, не могу. Меня свяжут, положат на кровать; полицейские по три раза в день будут меня лупить. Чтобы перевести дух, они будут время от времени спрашивать: «Дашь показания?» У меня распухнет голова. Я буду думать об этих двух мучениках. Мне придется терпеть, потому что они захотели сохранить свои белоснежные ризы. А если я не выдержу, вам это и нужно. Без Иуды нет Христа. Ты думаешь, Иуде было легко? Я его понимаю. Но допустим, что я все выдержу, что же я получу в награду? Плевки. Твой отец будет печатать свои фальшивые разоблачения, а твои друзья будут праздновать оправдание Дювала и позорный финал лже-Некрасова. Все меня хотят разыграть, как ребенка. (Пауза.) Вероника, объясни своим друзьям, в какое я попал положение, может быть, они все-таки пожалеют меня и скроются?

Вероника. Не думаю.

Жорж. А, черт! Я должен был застрелиться у тебя на глазах. Это твое счастье, что у меня не хватает смелости. (Садится.) Я ничего больше не понимаю. У меня была своя маленькая философия. Она помогала мне жить. А теперь я все растерял. Не нужно было мне лезть в эту проклятую политику.

Вероника. Уходи, Жорж, пора!

Жорж (у окна). Ночь. Пустые улицы. Сейчас я пойду по тротуарам, прижимаясь к стенам. До утра. А потом... Хочешь знать правду? Я пришел к тебе, чтобы меня арестовали здесь. В такую минуту очень важно, чье человеческое лицо ты видишь последним: это лицо долго потом вспоминаешь. Я хотел, чтобы это было твое лицо.

Она улыбается.

Ты должна чаще улыбаться: это тебе идет.

Вероника. Я улыбаюсь тем, кто мне нравится.

Жорж. Я не могу тебе нравиться. Ты мне тоже не нравишься. (Пауза.) Если бы мне только удалось избавить твоих смельчаков от тюрьмы... Хорошо бы вы тогда выглядели. (Ходит по комнате.) Где мой гений? На помощь! Докажи мне, что ты еще жив.

Вероника. Ты ведь знаешь, что...

Жорж. Замолчи! (Поворачивается к ней спиной и кланяется.) Мой гений, спасибо! (Веронике.) С прискорбием объявляю тебе, что твои друзья не будут арестованы. Ни плакатов, ни митингов. Госпожа Кастанье вернется на работу. А десять тысяч голосов, которые получил бы Пердриер, могут получить коммунисты. Я вам покажу, кто дергает ниточки.

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
Вероника (пожимает плечами). Ты ничего не можешь сделать...

Жорж. Найди кого-нибудь. Пусть меня спрячут. Завтра я тебе дам интервью.

Вероника. Опять интервью?

Жорж. Ты что, не хочешь?

Вероника. Но...

Жорж. Какой заголовок! «Исповедь Жоржа де Валера. Как я сделался Некрасовым».

Вероника. Жорж!

Жорж. Меня нужно спрятать на две недели. Вы сможете фотографировать меня во всех видах, с повязкой и без нее. Я теперь знаю всех этих Палотенов, Нерсья, Бунуми. Мои разоблачения будут неопровержимы.

Вероника. После первой же статьи они пришлют полицию в редакцию. Если мы откажемся тебя выдать, они объявят, что все это выдумка.

Жорж. Ты думаешь, они посмеют меня арестовать? Я слишком много знаю. В конце концов... если они будут настаивать, дай им мой адрес. Вы мне надоели с вашими мучениками. Я сам могу быть мучеником. Ну что, ты согласна?

Вероника. Согласна.

Жорж (смеется). А все-таки твоя прогрессистская газетёнка напечатает сочинение профессионального мошенника. Смешно: диктовал папаше, буду диктовать дочке. Скажи, куда мне идти. И позвони, чтобы меня впустили.

Вероника (надевает шляпу). Я пойду с тобой. Так будет лучше.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Бодуэн и Шапки, они влезают в окно.

Шапки. Здравствуй, Некрасов!

Бодуэн. Тебя ищет инспектор Гoble.

Шапки. Не бойся, мы тебя не выдадим.

Вероника. Все пропало!

Жорж. Как знать? Мой гений со мной. Может быть, моя звезда не закатилась.

Бодуэн. Идем, Некрасов! Здесь тебе грозит опасность.

Шапки. Эта девка знает с коммунистами.

Бодуэн. Может быть, ей поручили тебя убить.

Жорж: Я – Жорж де Валера, мошенник. Я требую, чтобы меня передали в руки инспектора Гoble.

Шапки (Веронике). Бедный Некрасов!

Бодуэн (Веронике). Твои русские друзья посадили в тюрьму его жену и детей.

Шапки. Скорбь свела его с ума.

Бодуэн открывает дверь, входят два санитары.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и санитары.

Бодуэн (санитарам). Вот он. С ним надо обращаться осторожно.

Шапюи. Некрасов, тебе необходим отдых.

Бодуэн. Тебя отвезут в лучший санаторий.

Жорж (Веронике). Слыхала, что они придумали? Это еще почище загородной дачи.

Бодуэн (санитарам). Возьмите его!

Санитары подходят к Жоржу. В открытую дверь входит Гoble.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Гoble.

Гoble. Господа, вы, конечно, не видали мужчину, рост – один метр семьдесят восемь...

Жорж (громко). Сюда, Гoble! я – Жорж де Валера!

Гoble. Жорж де Валера!

Жорж. Да, Жорж де Валера. Сто два мошенничества. Бери меня! Скорей! Ты станешь начальником полиции. Ты станешь великим человеком.

Гoble (завороженный, подходит). Жорж де Валера!

Бодуэн (преграждает ему дорогу). Коллега, это недоразумение. Перед вами Некрасов.

Гoble (обходит Бодуэна, бросается на Жоржа и хватает его за руку). Я ищу его несколько лет!

Шапюи (тащит Жоржа за другую руку к себе). Тебе говорят, что это сумасшедший! Он вообразил, что он Жорж де Валера.

Гoble (тянет Жоржа к себе). Оставь его! Он мой! Это моя добыча! Это вся моя жизнь!

Шапюи (тащит Жоржа к себе). Нет, он наш! Не смей его трогать! Это Некрасов!

Гoble. Ни за что не отдам! Конечно, я заурядный человек. Я всегда говорил, что мне его не поймать. Но он сам пришел ко мне. Теперь я его не отдам.

Бодуэн. Не забывай, кто ты!

Гoble. Не отдам! Мне его послала судьба!

Шапюи. Ты поднимаешь руку на политическую полицию?

Гoble. Не суйтесь не в свое дело, дармоеды!

Жорж. Смелее, Гoble! Я с тобой! Я твой!

Гoble (обнимает Жоржа). Жорж де Валера!..

Бодуэн. Ты способен разбираться в карманниках...

Шапюи. ...в мелких жуликах.

Бодуэн. Но ты действительно понимаешь, что такое политическая полиция?

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
Шапки. Неприкосновенность Франции...

Бодуэн. Великие республики...

Гoble. Я заурядный человек. Но я нашел Жоржа де Валера.

Бодуэн (Веронике). Он его действительно принимает за Жоржа де Валера.

Шапки (Веронике). Бедняга! Он тоже лишился рассудка.

Бодуэн. Мне его жалко. Такое потрясение!

Шапки (санитарам). Заберите его тоже!

Санитары бросаются на Гoble.

Вероника. Помогите!

Шапки зажимает ей рот рукой. Гoble в исступлении валит с ног обоих санитаров. Кидается на Бодуэна. Шапки, оставив Веронику, бросается Бодуэну на помощь. Жорж и Вероника обмениваются взглядами и прыгают в окно. Гoble, сбив с ног Бодуэна и Шапки, падает, тотчас приходит в себя, оглядывается.

Гoble. Я ведь говорил, что мне его не поймать.

Занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Кабинет Палотена. Рассвет. Свет серый. Лампы зажжены.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нерсья, Шариве, Бержера, Лерминье, Жюль. Нерсья в карнавальном бумажном колпаке; Бержера дудит в дудочку. Шариве и Лерминье сидят в оцепенении, осыпанные конфетти и обрывками серпантина. Жюль шагает по комнате. У всех усталый и мрачный вид. В петлице у каждого значок «Будущих жертв»: бант с большими золотыми буквами «Б. Ж.». На сцене постепенно становится все светлее; солнце полностью зальет кабинет после ухода Жюля.

Шариве. Болит голова.

Бержера. У меня тоже.

Лерминье. И еще как!

Нерсья (сухо). И у меня. Ну, что дальше?

Шариве. Я пойду спать.

Нерсья. Нет, Шариве, вы никуда не уйдете. Мы должны дождаться Некрасова.

Шариве. Будьте спокойны, мы его не дождемся.

Нерсья. Мне обещали доставить его сюда до рассвета.

Шариве. До рассвета? (Показывает на окно.) Пожалуйста, уже светает. (подходит к окну.) Какая уродина!

Нерсья. Кто?

Шариве. Заря. Я ее не видел двадцать пять лет. Она ужасно постарела.

Нерсья. Дорогие друзья...

Бержера дудит в свою дудочку.

Я вас умоляю: перестаньте дудеть в вашу дудочку!

Бержера. Это свирель.

Нерсья. Пусть свирель. Но я вас попрошу ее бросить.

Бержера. Бросить свирель? Я ее брошу, если вы бросите ваш колпак.

Нерсья (изумленно). Что? Вы, кажется, перехватили... (Подносит руку к голове и обнаруживает колпак.) Фу!.. (С отвращением бросает колпак на пол.) Господа, я попрошу вас не забывать, что мы на заседании правления. Приведите себя в достойный вид.

Бержера кладет дудочку на стол. Остальные стряхивают конфетти с одежды.

Жюль – он все время шагал, занятый своими мыслями, – подходит к шкафу, достает бутылку и стакан, хочет налить.

Нерсья. Хватит! Я думал, что вы никогда не пьете.

Жюль. Я пью, чтобы не думать.

Нерсья. Не думать? О чем?

Жюль. В моих руках самая сенсационная информация всей моей жизни, и я не могу ее опубликовать. «Некрасов – это Жорж де Валера». Два великих человека в одном. Вы понимаете, что это такое? Атомная бомба журналистики.

Нерсья. Вы удивительно легкомысленны.

Жюль. Не такой уж грех помечтать. На один день я хотел бы быть журналистом левой газеты. Только на один день. Вы понимаете, какой заголовок? (Останавливается, охваченный восторгом.) Через всю первую страницу, через вторую, захватывает третью... Атомный заголовок!

Нерсья. Я понимаю, о чем вы говорите. Некрасов – это Некрасов. Он скрылся час тому назад только потому, что боялся покушения коммунистов. (Глядя Жюлю прямо в глаза.) Вот это правда. Вся правда. Только правда!

Жюль (вздыхая). Я предпочитаю такой правде мою мечту.

Пауза. Стучат в дверь.

Войдите!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Бодуэн и Шапюи. Головы обоих перевязаны, у Шапюи перевязана рука. Бодуэн на костылях.

Все. Наконец-то!

Нерсья. Где он?

Бодуэн. Мы его застали у Сибило...

Шапюи. Он беседовал с одной коммунисткой...

Бодуэн. Он собирался продать свои разоблачения газете «Либератэр».

Шапюи. «Как Жорж де Валера стал Некрасовым».

Жюль. «Либератэр»?

Бержера. Жорж де Валера?

Нерсья. Вы его, конечно, задержали?

Бодуэн. Само собой разумеется... Но...

Нерсья. Ну, говорите же, говорите!

Шапюи. Мы его скрутили...

Бодуэн. Но тогда один коммунист...

Шапюи. Он прикинулся полицейским...

Бодуэн. Их было двадцать...

Шапюи. Чтобы быть совершенно точным, – тридцать...

Бодуэн. Сорок вооруженных до зубов коммунистов набросились на нас.

Шапюи (показывая свои перевязки). Поглядите...

Бодуэн. Эти раны...

Шапюи. Увечья...

Нерсья. Но где Некрасов?

Шапюи. Он... убежал с ними...

Лерминье. Дураки!

Шариве. Болваны!

Бержера. Идиоты!

Бодуэн (показывая костыли). Господа, мы жертвы долга.

Нерсья. Вы еще мало получили. Убирайтесь!

Бодуэн и Шапюи уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, без Бодуэна и Шапюи.

Бержера (печально снимает свой значок и смотрит на него). Все кончено.
(Бросает значок.)

Шариве (снимая свой значок и кидая его). Мы умрем в своей кровати.

Пауза.

Жюль (меланхолично). Ему повезло.

Нерсья. Кому?

Жюль. «Либератэр».

Нерсья (яростно). Я вам говорю: хватит! (швыряет бутылку и стакан на пол. Обращаясь к остальным.) Будем мужественны, друзья! Посмотрим смело в глаза будущему.

Бержера. Будущего больше нет. Завтра «Либератэр» напечатает признания Валера. Мы станем всеобщим посмешищем.

Лерминье. Нас обвинят в том, что мы сыграли на руку коммунистам!

Бержера. Мы разоримся!

Шариве. Я хочу спать. Я вам сказал, что я хочу спать! (Идет к двери.)

Нерсья (удерживает его). Ах, вас манит ваша кровать! Вам нечего торопиться. Все равно вы рассчитываете умереть в своей кровати.

Бержера дует в дудочку.

Нерсья. Я вам говорю в последний раз: бросьте эту... свирель.

Бержера. Почему вы сердитесь? Могу же я искать утешения в музыке.

Нерсья (всем). Еще ничего не потеряно. Надо только хорошенько подумать, как спасти газету.

Жюль. Если вы позволите...

Нерсья. Говорите!

Жюль. Определим «либератэр». Сообщим завтра сами: «Величайший мошенник нашего века Жорж де Валера обманул всю Францию».

Нерсья. Вы понимаете, что вы говорите?

Жюль. Но мы продадим три миллиона экземпляров!

Все. Хватит! Бросьте! Замолчите!

Жюль. Хорошо. Молчу. Вот танталовы муки!

Пауза.

Нерсья. Знаете, я не нахожу предложение Палотена таким глупым. Но я развиваю его мысль. Наши признания вызовут возмущение читателей. Мы можем их успокоить, только принеся в жертву одного из нас. Мы скажем, что нас обманули. Но один из нас должен принять всю вину на себя. Мы его торжественно выгоним.

Пауза.

Шариве. Простите, кого вы имеете в виду?

Нерсья. Конечно, не членов правления.

Все. Bravo!

Аплодисменты.

Жюль (перестав аплодировать). В таком случае я, право, не понимаю...

Все смотрят на него. Жюль принимается снова шагать. Они не спускают с него глаз.

Почему вы так на меня смотрите?

Нерсья (подходя к нему). Дорогой Палотен, соберитесь с духом.

Бержера. Газета – это ваше дитя...

Шариве. Вы ее отец. Вы должны пожертвовать собой, чтобы спасти свое дитя.

Жюль. Ах, вот чего вы хотите! (Пауза.) Что же, я готов подчиниться.

Аплодисменты.

Но это не спасет газету. Все знают, что я – мелкий служащий. Если вы хотите оправдаться перед публикой, лучше пожертвовать председателем правления.

Шариве. Не так глупо...

Нерсья. Но, дорогие друзья...

Шариве. С вашей стороны это будет благородным поступком.

Нерсья. И вы меня замените на посту председателя? Кто вам сказал, что Валера – это Некрасов? Палотен.

Шариве. Да, но вы ему поверили.

Нерсья. Вы тоже.

Шариве. Я не был председателем правления.

Нерсья. Я тогда тоже не был председателем. Председателем был Баран.

Шариве (наступая на Нерсья). Баран сразу что-то заподозрил.

Лерминье (наступая на Нерсья). Варан все-таки честный человек.

Бержера. Он ни в чем не виноват.

Шариве. Не из-за него мы оказались в дураках.

Бержера. Нерсья, это вы его прогнали. Вы интриган!

Нерсья, отступая, наткнулся на чемодан.

Шариве (кричит). Осторожно!

Нерсья (обернувшись). Что?

Все. Чемодан!

Они сперва смотрят на чемодан с ужасом. Потом внезапно их охватывает ярость.

Нерсья (глядя на чемодан). Мерзость!

Бержера (так же). «Радиоактивный порошок»! (Ударяет чемодан ногой.)

Шариве (показывая на чемодан). Вот откуда пошло все.

Лерминье. Надо уничтожить эту гадость! (Ударяет чемодан ногой.)

Все. Разломать! Растоптать! Разнести!

Топчут чемодан, играют им, как футбольным мячом.

Входит Баран, потом Сибило.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Баран и Сибило.

Баран. Члены правления занимаются гимнастикой. Что же, в вашем возрасте это полезно.

Нерсья. Баран!

Все. Баран! Баран!

Баран. Да, дорогие друзья. Баран, ваш бывший председатель. Сибило, как честный человек, рассказал мне все. Войдите, Сибило, не смущайтесь!

Сибило (входя). Я... Простите меня, простите!

Жюль. Балбес!

Баран. Тише! Вы ни в чем не виноваты, Сибило. Напротив, вы нам оказали

Сартр Жан-Поль Только правда filosofff.org
величайшую услугу. Если мы спасем нашу газету, то только благодаря вам.

Шариве. А ее можно спасти?

Баран. Если бы я этого не думал, разве я пришел бы сюда?

Бержера. У вас есть идея?

Баран. Да.

Шариве (пожимая ему руку). Мы перед вами очень виноваты...

Бержера. Мы просим великодушно нас простить...

Баран. Я никогда никому не прощаю, но я думаю об общественном благе. «Суар-а-Пари» – величайшая культурная ценность. Если эта газета исчезнет, Франция духовно обеднеет. Вот почему я не буду вспоминать о своих обидах.

Шариве. Что же вы предлагаете?

Баран. Я ничего не предлагаю, я требую!

Бержера. Дорогой Баран, пожалуйста, требуйте.

Баран. Во-первых, я по-прежнему – ваш председатель.

Нерсья. Простите, дорогой друг, но меня выбрали законно, тайным голосованием...

Баран (остальным). Что же, если Нерсья может спасти газету, я готов удалиться.

Шариве. Нерсья – это бездарность!

Нерсья. Я должен вам сказать...

Все (кроме Барана и Жюль). В отставку! В отставку!

Нерсья пожимает плечами и отходит в сторону.

Баран. Во-вторых, мы должны подумать о редакторе. Наша газета за последний год опустилась. Мы забыли наш суровый и величественный девиз: «Правда, только правда». (Показывает на плакат.) Мы доверили нашу газету беспринципному человеку, аморальному субъекту, авантюристу. Я надеюсь, всем понятно, что я говорю о Палотене.

Жюль. Вы всегда хотели меня съесть.

Баран. Господа, выбирайте. Он или я!

Все. Вы! Конечно, вы!

Жюль. Я был сердцем газеты. Жалкие люди, что вы будете делать без Наполеона объективной информации?

Баран. Обойдемся без Наполеона. Можете удалиться.

Жюль. Я ухожу. Но я не останусь без дела. У меня есть нюх. Я знаю, чего теперь хотят читатели. Умереть в своей кровати – вот чего они хотят. Я буду редактором новой газеты. Я вас всех разорю.

Сибило (побежал за ним к двери). Простите меня, господин Палотен, но я не мог больше молчать.

Жюль. Пошел к черту, презренный трус! (Уходит, хлопнув дверью.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, без Жюль.

Баран (показывая на окно). Вы видите, дорогие друзья, стоило Палотену уйти, как солнце озарило мир. Мы будем говорить правду, она будет кричать с каждого нашего заголовка. Мы – это солнце. Мы осветим сердца людей. Клянись, что мы будем говорить правду, всю правду, только правду!

Все. Клянемся!

Баран. Подойди сюда, Сибило! Вот этому честнейшему человеку, этому доблестному мужу я предлагаю доверить руководство газетой.

Сибило. Мне? (Лишается чувств.)

Баран. А теперь за работу. Я только что разговаривал по телефону с министром.

Шариве. Он, наверно, в бешенстве?

Баран. Сначала он немножко погорячился, но мы с ним обдумали, какие меры принять. Завтра утром три тысячи человек соберутся у советского посольства. Полиция, как полагается, ничего не сможет сделать. Камни в окна. Семнадцать разбитых стекол. В три часа пополудни в палате депутатов выступит представитель правительственного большинства. Он потребует произвести обыск в посольстве.

Шариве. А вы не боитесь дипломатического инцидента?

Баран. Напротив, я его желаю.

Нерсья. Но что вам даст весь этот шум?

Баран. Мы перехитрим «либератэр». Мы напишем: «Гнев народа вылился в антисоветские демонстрации». Откроем бал мы, а не они. Кто будет распорядителем танцев? Наш бесстрашный Сибило. (Трясет Сибило.) Сибило, вы слышите?

Сибило (придя в себя). Э?... что?..

Баран. За работу! Нужно переделать первую страницу. Наверху большой заголовок: «Жорж де Валера продан коммунистам». Второй заголовок через всю страницу: «Во время бала у госпожи Бунуми советские агенты похитили Некрасова». Под этим: «Двенадцать часов Некрасов томился в подпольях советского посольства. Потом его запаковали в сундук и отправили прямо в Москву». Поняли?

Сибило. Да, господин председатель.

Баран. Дайте волю вашей фантазии. Заполните всю первую страницу. Кстати, не забудьте важную информацию: «Полиция нашла среди бумаг Некрасова дополнительный список».

Шариве. Какой список?

Баран. Неужели вы не понимаете? Список будущих жертв. (Сибило.) Вы его опубликуете завтра на первой странице. Во главе этого списка – Баран. Ваш председатель Баран. (Наклоняется, подбирает с пола значок «Б. Ж.» и прикрепляет его к лацкану пиджака.)

Занавес

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

Сартр Жан-Поль Только правда filosoff.org
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!